

Три этажа

Автор:

Эшколь Нево

Три этажа

Эшколь Нево

Герои этой книги живут на трех этажах одного дома, расположенного в благополучном пригороде Тель-Авива. Отставной офицер Арнон, обожающий жену и детей, подозревает, что сосед по лестничной клетке – педофил, воспользовавшийся доверием его шестилетней дочери. живущую этажом выше молодую женщину Хани соседи называют вдовой – она всегда ходит в черном, муж все время отсутствует из-за командировок, одна воспитывает двоих детей, отказавшись от карьеры дизайнера. Судья на пенсии Двора, квартира которой на следующем этаже, – вдова в прямом смысле слова: недавно похоронила мужа, стремится наладить отношения с отдалившимся сыном и пытается заполнить образовавшуюся в жизни пустоту участием в гражданских акциях...

Герои романа могут вызывать разные чувства – от презрения до сострадания, – но их истории не оставят читателя равнодушным.

Эшколь Нево

Три этажа

Посвящается брату Ноаму

Eshkol Nevo

????? ?????

THREE FLOORS UP

Copyright © Eshkol Nevo

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2019.

Первый этаж

Что я, в общем-то, хочу тебе сказать? Что за этой неожиданностью скрывалось нечто другое, то, о чем ни я, ни Айелет говорить не смели и что, как мы оба знали, – ну хорошо, я знал, – может произойти. Сигналы были на каждом шагу, только я старался их не замечать. Ведь что удобнее соседей, которые присмотрят за твоей девчушкой? Честно! За пять минут до ухода ты хватаешь ее на руки, никаких тебе сумок, никаких колясок, стучишься в соседскую дверь – и все. Она рада-радешенька. И они рады-радешеньки. И сам ты рад-радешенек, что свободен бежать по своим делам. И это дешевле, чем обычная няня. Вроде говорить о таких вещах не принято, но у меня, ей-богу, нет сил на самоцензуру, поэтому расскажу все как есть, а ты пообещай, что не вставишь это в одну из своих книг, идет?

Супруги-пенсионеры понятия не имеют, сколько сегодня платят няньке за час. Вряд ли они заходят на сайты бебиситтеров. Им можно предложить любую цену. Мы и предложили. Двадцать шекелей в час. Девять лет назад это было терпимо. Маловато, конечно, но терпимо... Но за это время средняя цена в нашем районе поднялась до сорока, а мы остались на двадцати. Иногда Айелет напоминала мне, мол, знаешь, надо бы им плату поднять. И я говорил, да, конечно поднимем. Но мы так и остались на двадцати. А они ничего не говорили. Люди воспитанные, из германских евреев – йеки; он ходит дома в костюме с галстуком, она – преподавательница фортепиано в музыкальной школе, выражается как в прошлом веке: «Прошу вас, сделайте милость». Может, они и хотели

потребовать прибавки, но тевтонское воспитание не позволило. А мы себе говорили – ну, если вслух не говорили, то думали: пусть спасибо скажут, все равно от скуки маются. Это они должны нам платить за право сидеть с нашей Офри.

Не помню точно, сколько ей было, когда мы в первый раз ее к ним отнесли, но мало. Сколько времени надо ждать после родов, чтобы снова спать с женой? Месяц? Полтора? С этого все и началось. С секса. В последний месяц беременности у Айелет был токсикоз. К ней было не подступиться. Через месяц после родов у нее все еще кровоточило. А я... У меня от гормонов просто крышу сносило. В жизни со мной такого не бывало: посреди деловой встречи я мог уставиться на клиентку и вообразить, как волоку ее в туалет и срываю с нее одежду. Что самое странное – бабы этот голод как-то чувствуют. В тот период телки ко мне так и клеилась. Прямо-таки проходу не давали. Притом что я отнюдь не Брэд Питт. От тренерши по велоаэробике я получил такую эсэмэску, что закачаешься. При случае могу показать. Но я не поддался. Как говорится, стиснул зубы. Айелет это оценила. Нет, она не заявляла: «Я это ценю», она такого сроду не скажет. Но она все время повторяла: «Мне тебя не хватает, как и тебе – меня». В один прекрасный вечер она предложила: «Давай подкинем ее ненадолго Герману и Рут». И медленно провела пальцем по моему плечу. А это у нас знак.

Это была ее идея. На все сто процентов. В первый раз это предложила Айелет.

Мы вместе постучались к ним и спросили, не возьмут ли они к себе Офри на пару минут. Думаю, они сразу поняли, в чем дело. Что у нас за срочность. Они из тех пожилых пар, по которым видно, что в них еще есть искра. Герман, он такой высокий, статный. Вылитый канцлер Германии. А у Рут длинные седые волосы, всегда собранные в хвост, отчего она производит впечатление не старухи, а женщины. Она спросила у Айелет, когда Офри в последний раз кормили, и Айелет сказала, что девочка не голодная и что в любом случае это всего на пару минут. Рут уточнила, сосет ли она соску, и попросила оставить ей памперс – на всякий пожарный.

Герман тут же начал развлекать Офри, издавая всякие смешные звуки, и концом своего галстука щекотать ей животик. Офри ему заулыбалась. В этом возрасте, ты же знаешь, улыбки у детей инстинктивные, не настоящие. Но я все же сказал Айелет: «Смотри, как она ему улыбается». И Рут сказала, что дети Германа обожают.

Пойми, Офри к кому угодно не пойдет. Даже у бабушки на руках она, еще грудной, плакала. Но когда мы передали ее Рут, она к ней прильнула, положила головку ей на грудь и стала пальчиками играть с ее длинными волосами. Рут сказала ей: «Ах ты моя милая» – и погладила ее по щечке, а Айелет наклонилась к дочке и сказала: «Мы совсем скоро вернемся, ладно, солнышко?» Офри своими умными глазками посмотрела не на нее, а на меня. Вроде бы она собралась заплакать. Но нет. Только теснее прижалась к груди Рут, а та сказала: «Прошу вас, не волнуйтесь, мы вырастили троих детей и пятерых внуков», и Айелет повторила: «Это всего на пару минут» – и в последний раз погладила Офри по щечке.

Как только захлопнулась дверь нашей квартиры, я ухватил ее за задницу, но она замерла и сказала: «Погоди, ты ничего не слышишь? Не плачет она?» Мы замерли, но кроме обычного скрежета передвигаемой по полу мебели в квартире над нами, у вдовы, ничего не услышали. На всякий случай подождали еще пару секунд, и Айелет взяла меня за руку. «Только, пожалуйста, без прелюдии, ладно?» – сказала она и потащила меня в спальню.

Внуки Германа и Рут разбросаны по всему свету. Двое в Вене. Двое в Пало-Альто. А старшая живет с матерью в Париже, каждое лето приезжает в гости и сводит местных мальчишек с ума своими мини-юбками, загорелой кожей и зелеными глазами. Они подстерегают ее возле дома, как мартовские коты, а она специально их заводит, во время трепотни как бы невзначай касается их руками, но до себя дотрагиваться не разрешает. Настоящая французская кокетка. И уже на каблуках. Душится взрослыми духами. Прошлым летом Рут послала ее к нам, одолжить яйца, и я открыл ей дверь. Я был голый по пояс, и тут она мне с французским акцентом выдает: «Месье Арно, наденьте рубашку, это невежливо по отношению к даме» – и жеманно хихикнула. Я в ответ не засмеялся; просто принес ей яйца и подумал: сразу видно, что эта профурсетка растет без отца. Будь я ее отцом, я бы не дал ей разгуливать в такой короткой юбчонке. Но сейчас не о ней. К ней мы еще вернемся.

Другие внуки Германа и Рут тоже пару раз в год приезжают к ним в гости. И тогда их квартира, из которой обычно не раздается ничего, кроме звуков фортепиано и голосов с немецкого канала телевидения, становится шумной и веселой. Герман строит им во дворе всякие штуки – до выхода на пенсию он работал в израильской авиационной промышленности, и у него в этом деле сноровка. Он сооружает им горки, качели и лестницы, мастерит модели самолетов с дистанционным управлением. Если на дворе лето, он достает для

них из сарая бассейн. Огромный, из крепкого пластика. По глади бассейна плавают кораблик-авианосец, на который они должны посадить летающие модели. Потом он вынимает авианосец, внуки переодеваются в купальники, залезают в бассейн и брызгаются друг в друга водой. Но никогда не безобразничают. Воспитанные детки. Не то что наши, местные. Едят с ножом и вилкой. На лестнице здороваются.

Когда внуки возвращаются домой, Герман с Рут впадают в депрессию. Как по расписанию. Назавтра после прощания они запираются у себя, и совершенно понятно, что стучать к ним в дверь бессмысленно. Это трудно объяснить, но на дверь как будто вешают особый знак, который сообщает: «Не сейчас». Через два дня после отъезда внуков они сами стучатся к нам в дверь и говорят, что, если нам надо, можно привести к ним Офри. Герман говорит Офри: «Чмокни Германа». Наклоняется и подставляет ей щеку. Она его целует, осторожненько, чтобы не поцарапаться о щетину. А Рут, обращаясь к Айелет, просит: «Хотя бы ненадолго. Бесплатно». И тихо, почти шепотом добавляет: «Герман так страдает, когда внуки уезжают. Уже двое суток не спит, не ест, не бреется. Не представляю, что с ним делать».

Так вот, эта история с поцелуями. Когда раньше я говорил тебе про сигналы, я имел в виду именно это. Началось с того, что, когда Офри к ним приходила, он просил его чмокнуть. Когда она уходила, тоже. Два раза. В каждую щеку. Но в последний год он мог вдруг распахнуть дверь, когда мы на площадке лестницы, по дороге из дома или, наоборот, домой, наклониться и позвать ее: «Эй, Офри, а чмокнуть Германа?»

Когда я сейчас тебе это рассказываю, мне хочется умереть; я чувствую, что умираю: ведь тут же все черным по белому! Но нам не хотелось глядеть ни на черное, ни на белое, вот что я пытаюсь тебе сказать. Мамаша Айелет – не тот человек, с которым можно оставлять ребенка. Мои родители вышли на пенсию и все время катаются по заграницам. Подолгу. Южная Америка. Китай. Прямо-таки заядлые путешественники. А тут у нас родилась Яэль. И родилась с пороком дыхательных путей. Мы с Айелет неделями просиживали возле ее кровати в детской больнице «Шнайдер», сменяя друг друга; мы глаз не смыкали – вдруг, когда на секундочку закемаришь, она перестанет дышать? Из больницы несешься на работу, некогда даже заскочить домой переодеться. Я не то чтобы ищу себе оправдание, просто объясняю, почему мы все больше нуждались в Германе и Рут. Днем, вечером, в выходные. Иногда отводили к ним Офри всего на полчаса, иногда – на полдня.

Внезапно вспомнилось – как я мог про это забыть! – как однажды утром, когда Айелет приехала в «Шнайдер» меня сменить, она рассказала мне, что ей приснился сон: будто мы с ней сидим под дверями операционной. Но девочка, которую оперируют и которой грозит смертельная опасность, – это не Яэль, а Офри. И во сне ей не семь лет, а всего годик. А хирург, который выходит из операционной сообщить нам результаты, – это Герман. Только вместо врачебного на нем халат пациента – ну такой, с завязками сзади. Разреза на спине она не видела, просто знала, что он там есть. Герман провел пальцем у нее между бровями и сказал: «Офри будет жить». Она удивилась, что он говорит об Офри, а не о Яэль, но испытала такое облегчение, что не стала переспрашивать.

Я не пытался толковать этот сон. Ни в коем случае! Когда мы только начали с ней встречаться, еще в Хайфе, я как-то раз хотел объяснить ей ее сон, но она сказала, что я ничего в этом не смыслю и она сама разберется, что к чему. Но даже если бы я его проанализировал, я бы не связал его с тем, что произошло год спустя. Наверняка сказал бы что-нибудь вроде: «Возможно, во сне – только во сне! – ты предпочитаешь, чтобы болела Офри, потому что она сильнее и у нее больше шансов выкарабкаться».

Так уж мы устроены. Пока у тебя не родится вторая дочка, ты не способен по достоинству оценить первую. Только благодаря Яэль мы поняли, до чего необычная девочка наша Офри. Какая спокойная. Какая сдержанная. Воспитательницы и учителя в один голос говорили нам, что она очень взрослая для своего возраста. Но лишь с появлением Яэль и всех связанных с ней проблем мы поняли, что все они имели в виду.

Я сейчас скажу тебе кое-что, что тебе не понравится, но мне все равно: в каком-то смысле нам было бы легче, если бы то, что случилось, случилось бы с Яэль. С ней все просто: когда ей грустно, она плачет, когда что-то не по ней – ложится на пол и вопит. Офри никогда не орет. Она переваривает информацию. Обдумывает ее. Взвешивает про себя все за и против. Ты понятия не имеешь, что творится у нее в душе. Иногда после долгого размышления она роняет несколько точных слов. А потом снова погружается в себя и свои мысли, точно фиксируя все, что происходит вокруг. Девочка-радар, точно тебе говорю. Еще совсем маленькой она предчувствовала наши с Айелет стычки, по тому, как менялась энергетика в комнате, вставала между нами и говорила: «Папа, не ссорьтесь».

Она первая поняла, что с Германом что-то неладно. Еще до Рут. В один прекрасный день она вернулась от них и сказала:

- Герман сломался.

Что значит: сломался? Он все забывает. Что - все? Куда положил свои очки, где выход в сад, как его зовут.

- Может, он играет с тобой, Оффрики? Может, это просто игра?

- Нет, папа, он сломался.

Несколько дней спустя они вечером постучались к нам в дверь. Оба. Герман направился прямо к Оффри, попросил его чмокнуть, а потом опустился на четвереньки, чтобы покатасть ее на спине по гостиной. Рут вручила Айелет тарелку с ломтиками своего мраморного пирога и спросила, можно ли воспользоваться нашим факсом. Они время от времени пользовались нашим факсом или просили Айелет помочь им со стареньким компьютером, который у них то и дело зависал. А мы просили у них молока. Или яиц. Или лука. У нас ведь здесь не то что у вас там, в Тель-Авиве, нет магазинов, открытых круглые сутки, и, если у тебя вышла томатная паста для шакшуки, значит, не будет и шакшуки. Иногда и у них вдруг кончались масло или сахар. Хотя не так часто, как у нас. Не сказать чтобы между нами установился равноценный обмен, но мы об этом никогда не задумывались. Наоборот. Говорили себе, что в этом-то и прелесть. Делимся по-соседски, как в былые времена, когда люди еще не были такими материалистами. Мало того: в последние несколько лет, стоило нам задуматься о переезде в квартиру побольше, чтобы у девочек было по своей комнате, а у Айелет - нормальный рабочий кабинет, один из нас обязательно возражал: как же мы без Германа и Рут? На этом все и кончалось.

Так вот, в тот день Рут пришла отправить факс, но не направилась прямым ходом к рабочему уголку, а остановилась на пороге. Ее волосы, обычно схваченные в конский хвост, были взлохмачены. Она запустила в них пальцы и тихо сказала:

- С Германом что-то творится. Что-то странное. Вчера возвращаюсь с работы, а он бродит по улице и спрашивает у прохожих, где он живет.

Айелет предложила ей присесть и выпить. Рут вздохнула и опустилась в кресло. Герман продолжал скакать с Офри по гостиной. Я взял Яэль на руки, чтобы Айелет могла приготовить Рут кофе с молоком.

Рут сказала:

- Плохо, что он целыми днями сидит один дома.

- Да, - согласилась Айелет. - Это с ума можно сойти, весь день в четырех стенах.

- Точно, - подтвердил я. - По себе знаю. Пока работал на фрилансе, не знал уже, куда деваться.

- Что же мне делать? - спросила Рут. - Я не могу бросить преподавание, на одну его пенсию мы не проживем.

- Скажите, пожалуйста, - спросил я, - а мы вам, случайно, денег не задолжали?

Тем временем Герман уселся на диван и стал подбрасывать Офри на коленях, напевая: «Хоп-хоп, райтер» - это у йеков популярная детская потешка, что-то вроде «Ехали мы, ехали». Она вскрикивала от удовольствия. А я подумал, что она для таких забав, пожалуй, великовата.

Великовата, чтобы сидеть у него на коленях и чтобы он держал ее за попу.

- Оставьте эти глупости, - сказала Рут. - Заплатите, когда сможете. Для Германа ваша девочка - источник радости. А это сейчас самое главное.

Айелет сказала:

- Пейте кофе!

Рут сделала глоток и продолжила:

- Он был самым красивым парнем в кибуце. Эти глаза! Серо-голубые. Как у кота. И уже израильский загар. Я была новенькая. Прямо с парохода. Когда тамошние

заметили, что я глаз с него не свожу, меня предупредили: он меняет девушек как перчатки. И интересуется его в девушках только одно.

Но мне было до лампочки, что говорят про Германа. Я думала: «Это потому, что он еще не знаком со мной!»

– И вы оказались правы? – улыбнулась Айелет. Рут очень серьезно посмотрела на Германа и Офри и сказала:

– И да, и нет. – Она помолчала, отхлебнула кофе и снова провела по волосам своими длинными пальцами пианистки.

Айелет сказала:

– Если понадобится помощь, мы тут, рядом.

– Правда, не стесняйтесь, – добавил я.

– Спасибо вам, – сказала Рут. – Вы на самом деле прекрасные соседи.

Ночью я сказал Айелет:

– Все, хватит. Больше нельзя оставлять Офри одну с Германом.

– Ты прав, – согласилась Айелет. – Кстати, надо с ними расплатиться. Не дело, что мы так с этим тянем. У тебя наличные есть? Нет? Можешь завтра снять? Сколько мы им задолжали?

– Не знаю точно, но много, шестьсот или семьсот. Ладно, сниму тысячу.

Никакой тысячи я на следующий день не снял. Даже пятидесяти шекелей не снял.

Неделю спустя мы еще дважды оставляли Офри у семейства Вольф.

Оба раза – когда возили Яэль на консультацию в детскую больницу «Шнайдер». И оба раза Рут была дома. Оба раза, вернувшись и обняв Офри, мы не заметили ничего необычного. Она снова рассказывала нам о причудах Германа: в яичницу с колбасой он вместо соли положил сахар и пытался включить телевизор с помощью пульта от кондиционера. Она рассказывала все это с горящими глазами. Оказывается, Герман сумел убедить ее в том, что это такая игра, в которой у нее, хоть она и ребенок, своя важная роль: напоминать ему, где что лежит, приносить нужный пульт, показывать, какие цветы в горшках пора полить, сообщать, какой сегодня день недели.

Айелет сказала мне:

– She is so innocent, smart and innocent[1 - Она так невинна, умна и невинна (англ.)].

– Soon she won't be innocent anymore. It is just a matter of time[2 - Скоро она перестанет быть такой уж невинной. Это только вопрос времени (англ.)], – ответил я.

Айелет – ей палец в рот не клади! – тут же поняла, что сейчас я снова заведу разговор о том, что хорошо бы нам завести еще одного ребенка, и отрубил:

– Даже думать забудь, Арнон. Если, конечно, ты сам не забеременеешь.

– English, baby, English, – призвал ее я.

– Мама и папа, вы что? Мужчины не бывают беременными! – подала голос Офри.

– Офри, как ты с нами разговариваешь? Я тебе не подружка все-таки, – возмутилась Айелет.

– Почему ты все время на меня сердишься? – спросила Офри. – Что я такого сделала?

– She is right, you know[3 - Знаешь, а ведь она права... (англ.)]... – начал я, но Айелет меня оборвала:

– А ты не вмешивайся!

У Айелет с Офри сложные отношения. С самого начала так повелось. Ну, может, кроме первого года, когда Айелет еще кормила Офри грудью. Но как только Офри отняли от груди и она заговорила, между ними как будто кошка пробежала. Вот они воркуют, словно две голубки, и вдруг – бац! – выпустили коготки. О том, на чьей стороне будет победа, вопрос даже не стоит. Офри сильная, очень сильная, но против Айелет ей не устоять – как устоять против прущего на тебя танка? Айелет называет это «ставить границы». Ребенок должен понимать, что ему можно, а чего нельзя. Но я с самого начала чувствовал, что тут кроется нечто большее. В том, как она с ней разговаривала, проскальзывала злоба.словно пчелиное жало, замаскированное медом. Вот, например, ей ничего не стоит сказать дочери: «Смотри, сколько у Яэль подружек! А ты целый день валяешься на диване со своими книжками. Неужели тебе не обидно, моя милая?» Или: «Надеюсь, до завтра тебе хватит времени решить, что ты наденешь, красавица?» Или: «Вся вселенная у твоих ног, Офри! Вся вселенная! Ты вообще слушаешь, когда я с тобой разговариваю?» Даже в ласковых прозвищах, которыми она награждала Офри, – Звездочка, Фантазерка, Молчунья – да в них больше ехидства, чем ласки.

Иногда, когда она поздно возвращалась с работы, а Офри вела себя как-то не так, вызывающе, как ей казалось, или просто была погружена в себя и не отвечала ей, она могла сорваться по-настоящему и заявить дочери: «Я терплю твои выходки потому, что я твоя мать, но не думай, что кто-нибудь другой простит тебе такое поведение». А однажды – клянусь, я слышал это своими ушами – она сказала: «Чем я провинилась перед Господом, за что мне такое наказание?»

Но главное даже не в том, что именно она говорила, а в том, каким тоном она это говорила. Ядовитым. Безжалостным. Почему они так друг к другу относились? Не знаю. Офри по натуре медлительная, пожалуй склонная к созерцанию. Иной раз она и правда не слышит, что к ней обращаются. Когда ее подгоняют, она упирается и делает назло. Напротив, Айелет – огонь. Она не выносит тех, кто за ней не поспевает. Ее собственная мать с ней не церемонилась. Возможно, это на нее повлияло. Когда Айелет была маленькой, мать ее лупила. А жили они в фешенебельном Рамат-Авиве, представляешь? Не в каком-нибудь там задрипанном Лоде. В фешенебельном Рамат-Авиве! И мать лупила ее ремнем и била по рукам линейкой. Она росла без отца, и некому было ее защитить. Кстате говоря, это лишний раз доказывает, что мы никогда не

знаем, что творится у людей за закрытыми дверями. До рождения Яэль мы с Айелет без конца ссорились по поводу Офри и ее воспитания. Айелет утверждала, что я ее порчу. Я возражал: «Да где я ее порчу? Она – идеальный ребенок, не ребенок, а ангел». После того как в семье появилась Яэль, ситуация слегка уравнилась. Стол на четырех ножках устойчивее. Но я все равно считал, что обязан быть рядом с Офри и защищать ее. Чтобы ей не слишком доставалось от Айелет. Чтобы та не нанесла ей неизлечимой травмы.

Я расскажу тебе кое-что, хотя это может показаться тебе дикостью. После успеха «Тавлины» на меня посыпались предложения из Испании и Германии; многие рестораны наперебой приглашали меня обновить их дизайн. Ты даже не представляешь себе, какие имейлы они мне слали: «We admire your no bullshit style of creativity!», «The atmosphere you create makes people want to order the all menu!»[4 - «Мы восхищены вашим дерзким творческим подходом»; «Благодаря созданной вами атмосфере посетители готовы заказать все меню от начала до конца!» (англ.)]. При случае я их тебе покажу. Но я им отказал, хотя это был мой шанс вернуться к независимости и серьезный вызов мне как профессионалу. Истинная причина моего отказа – не та, которую я назвал Айелет, – заключалась в том, что работа за границей подразумевала частые и продолжительные отлучки, а я понимал, что нельзя надолго оставлять без присмотра этих двух кошек. Понимаешь? Я всегда чувствовал особую ответственность за Офри. И потому все случившееся выглядит еще ужаснее.

Скажи, это ничего, что я грузю тебя всеми этими проблемами? Ты уверен? Кстати, как у тебя-то дела? А то я тебя даже не спросил. Я видел, что твоя книга вошла в список бестселлеров. Сколько ты получаешь за каждую книгу? Всего-то? Они тебя дурят, уж ты мне поверь! Что? Продолжить рассказ? Значит, для тебя все это просто «рассказ»? К сожалению, для меня это реальная жизнь.

Ладно, неважно. На чем мы остановились? По понедельникам у меня интенсивная тренировка на велотренажере. Начало в семь, но, если хочешь занять определенный тренажер, надо прийти немного раньше. Ты никогда не занимался фитнесом? Хотя зачем тебе, у тебя с генами все нормально. А у нас в семье у всех мужиков проблемы с весом, так что, хочешь не хочешь, приходится за собой следить. Велотренажеры в зале расположены полукругом, напротив тренерши. И пронумерованы. Мне нравится номер четвертый. Дальше всех от кондиционера.

По понедельникам у нас распорядок такой: Айелет возит Яэль в Тель-Авив на занятия дыхательной йогой для детей; домой они возвращаются к половине седьмого, чтобы я успел на велоаэробику.

В тот день они застряли в пробке. Айелет позвонила с дороги и сказала, что они слегка опаздывают. «Поезжайте через Южный Аялон», – посоветовал я ей. Но она сказала, что уже свернула на Геа. Я разозлился. Я каждый раз внушаю ей, чтобы ездил через Аялон, потому что там меньше пробок, но она упорно тащится по Геа. Она, видите ли, так привыкла. Я уже понял, что примчусь в последнюю секунду и мне достанется велотренажер номер девятнадцать или двадцать, прямо за колонной. Оттуда и тренерши не видно. Понимаешь? Хотелось бы мне сказать тебе, что я обратился за помощью к Герману и Рут потому, что у меня что-то случилось – срочно вызвали на работу или вдруг закололо в груди, и я поехал в больницу. Но банальная правда заключается в том, что меня волновало одно: какой велотренажер я успею занять...

Рут была в музыкальной школе. Я спросил Германа, когда она вернется; он сказал, что не знает. Я прикинул: даже если я уеду сейчас, то Айелет будет дома минут через десять, максимум пятнадцать. Что может произойти за четверть часа? К тому времени и Рут уже вернется. Обычно она приходит с работы в полседьмого. Старики не любят менять свои привычки. Так что Айелет даже не узнает, что я оставил Офри одну с Германом. А если узнает, что ж, в следующий раз поедет через Аялон.

Офри, конечно, была на седьмом небе. Я ей объяснил, что это всего на несколько минут и что мама вот-вот за ней придет. Но она уже скакала на спине Германа, «поехали-поехали», и не очень-то меня слушала. Я хотел его предупредить, но не знал, как это сделать, его не обидев. Чтобы он не почувствовал, что я не слишком ему доверяю. И потому ничего не сказал. Послал Айелет эсэмэску: «Офри у Германа и Рут». Переоделся. И ушел. Но даже скажи я ему: «Вам в вашем состоянии нельзя выходить из дома», не уверен, что это что-нибудь изменило бы. Скорее всего, он ответил бы «Яволь!» и через минуту обо всем забыл.

Во время тренировки я отключаю мобильник. Все равно из-за шума в зале ничего не слышно. Вот почему только в конце сдвоенного сеанса я обнаружил четыре неотвеченных вызова. Но подумал, что Айелет по-прежнему торчит в пробке, или забыла ключи, или что-нибудь еще в том же духе, и пошел в душ. В следующий раз будет умней и поедет через Аялон. Вот что я подумал. На ошибках учатся. Я

не спеша принял душ, представляешь? Намылился. Вымыл голову. Постепенно увеличивал температуру воды, пока она не стала обжигающе горячей. Что, ты тоже так делаешь? Честно? Я думал, только у меня этот бзик. Я тщательно вытерся и снова взглянул на мобильник. Двенадцать неотвеченных вызовов. Я позвонил Айелет. И через секунду уже летел домой.

Как объяснить, что чувствуешь в такой момент? Помнишь первые сборы после армейской службы, когда Эрлих по ошибке въехал на броневике в тот переулок в Хевроне? И в нас полетели бетонные блоки? А этот идиот не смог включить заднюю скорость. Помножь те ощущения на десять. На сто. На тысячу. В Хевроне я, в общем-то, не так уж и нервничал. У меня было убеждение, что ничего страшного с нами не случится. В стрессовых ситуациях я обычно не впадаю в панику. Но тогда, признаюсь откровенно, меня как шибануло. Я проклинал себя и барабанил кулаками по рулю.

Может, разница в том, что в Хевроне речь шла о спасении только моей шкуры. А сейчас в опасности оказалась моя дочь. Да, я облажался. Я знал, что облажался. Настолько явно, что Айелет не стала даже тратить время на обвинения. Не успел я выскочить из машины, как она обрисовала мне ситуацию: в поиски включился весь дом, полицейские вот-вот придут. Искали в нашем и в соседних кварталах. «Если он что-нибудь с ней сделал, – сказал я, – я его убью». – «Мы пока не знаем, что случилось, – сказала Айелет, – может, они просто заблудились». Но по ее глазам я видел, что она тоже думает про поцелуйчики и игры типа «поехали-поехали». Я спросил, смотрели ли в цитрусовой роще, и Айелет ответила: «Нет, так далеко еще не добрались». – «Тогда я пошел туда, – сказал я. – С пистолетом». – «А пистолет зачем?» – спросила она. И я ответил: «Если с ее головы упал хоть один волос, ему крышка».

Когда Офри ходила в старшую группу детского сада, там был один пацан, который к ней приставал. Некий Саар Ашкенази. Каждый день она возвращалась из сада с жалобами. Саар Ашкенази сказал то, Саар Ашкенази сделал это. Айелет поговорила с воспитательницей, но та уверила ее, что не замечает ничего особенного и что дети в этом возрасте путают реальность с фантазиями.

Наша дочь никогда не путала реальность с фантазиями. Именно так я и сказал Айелет: «Ничего наша дочь не путает». Однажды, проводив Офри в детский сад, я спрятался за кустом и стал ждать, пока в группе не кончатся утренние занятия и детей не выведут во двор. Поначалу все шло нормально. Офри играла с подружками, а я чувствовал себя полным идиотом. Сорокалетний мужик в

девять утра прячется за кустами. Но тут к девочкам подкрался мальчишка. Сзади. Я имею в виду, что Офри стояла к нему спиной. И этот маленький говнюк дернул вниз ее брюки. Убежал на безопасное расстояние и начал громко хохотать, дескать, как не стыдно, трусы видно. Ты меня знаешь. Я человек не агрессивный. Во время интифады я предпочитал дежурить на кухне, лишь бы не ходить в патруль, помнишь? Но, поверь мне, если бы ты увидел, как с твоего Йонатана стягивают штаны, ты бы отреагировал точно так же. Чисто инстинктивно. Тут не до рассуждений...

Что я сделал с мальчишкой? То, что надо. Перелез через ограду, схватил его, притиснул к стене и сказал, что, если он еще раз притронется к Офри, я из него котлету сделаю.

Вечером позвонила его мамаша. Не с той семьей ты связался, сказала она мне. Оказалось, что отец Саара Ашкенази – король рэкетиров нашего района. Полиция не первый год пыталась привлечь его к ответственности, но он всякий раз выворачивался. Не веришь, что в нашем районе процветает рэкет? Вот и зря.

Короче, мать этого мелкого хулигана меня предупредила: «Аси сейчас за границей, изучает возможности расширения бизнеса, но скоро вернется. Когда он узнает, что ты сделал с Сааром, ты дорого за это заплатишь». Именно так она и сказала. Этими самыми словами. «Ты дорого за это заплатишь».

Тогда-то я и купил пистолет. Я убрал его в один ящик стола, магазин – в другой и оба ящика запер на ключ. «Если этот Аси сунется ко мне в берлогу, сказал я себе, – мне будет чем защитить моих медвежат».

Через неделю в газете появилось сообщение о том, что Аси Ашкенази арестовали в Ларнаке по обвинению в торговле наркотиками. Саар Ашкенази вместе с мамочкой мгновенно исчезли из нашего района. Воспитательница понятия не имела, куда они подевались, или не хотела об этом говорить. Но мне показалось, что она испытала облегчение. Пистолет я сохранил.

С тех пор я доставал его всего один раз, когда мы ездили на экскурсию в Вади-Кельт. Несколько лет назад арабы убили там двух туристов. Поэтому я решил на всякий случай прихватить пистолет с собой. Айелет сказала, что она не в восторге от этой идеи, но сказала таким тоном, что сразу становилось ясно: чисто теоретически она против, зато практически всецело за. Вечером, когда мы

вернулись домой и девочки рухнули спать, а я пошел в душ смыть с себя пыль пустыни, она разделась, скользнула ко мне за занавеску ванны и хриплым голосом а-ля Мэй Уэст сказала: «У тебя пистолет при себе или ты мне просто так обрадуешься?»»

Понимаешь? Даже таким сильным женщинам, как Айелет, нужен мужчина, способный их защитить. Это биологический инстинкт.

Короче говоря, я взял пистолет с запасной обоймой и побежал в цитрусовую рощу. Ты ведь у нас бывал, верно? Ну как не помнишь! На шашлыках, в День независимости? Два года назад? Так вот, от дома дорога ведет к синагоге, а за синагогой проложена тропинка, по которой до цитрусовой рощи ходу четыре-пять минут. Я уже лет десять слышу разговоры, что на месте цитрусовой рощи будут строить микрорайон для молодоженов, но пока не видел там ни одного бульдозера.

Когда Офри была маленькой, практически как только она пошла, я водил ее туда гулять. В сезон мы рвали с веток апельсины или грейпфруты, чистили и ели. Если фруктов не было, просто сидели в тени. В третьем ряду деревьев кто-то положил на землю циновку и притащил два старых кресла и бамбуковый столик – такими торгуют в своих лавках друзья в Дальят-аль-Кармеле. Наверняка какой-нибудь старшеклассник, любитель кальяна, ходил сюда с друзьями, пока всех не призвали в армию. К вечеру в цитрусовой роще – благодать. Сквозь листву просвечивает солнце, с моря задувает ветерок. Я устраивался в кресле, сажал Офри на колени и рассказывал ей сказки; иногда она мне что-нибудь рассказывала. Порой мы молчали и слушали птичий щебет. Клянусь, я никогда не испытывал такого блаженства, как во время этих прогулок с Офри. Когда родилась Яэль, я все равно старался хоть раз в неделю ходить с Офри в цитрусовую рощу. Дело в том, что я и сам – старший брат. И я знаю, каково это – заполучить младшего братишку. Ты семь лет был пупом земли, и вдруг... Понимаю, звучит глупо, но я до сих пор малость зол на брата Мики за то, что он скинул меня с трона. И вот я сказал себе: пусть Офри хотя бы час в неделю по-прежнему будет папиной принцессой. Неважно, чем мы занимаем этот час, главное, что мы вместе. Только мы двое. А в прошлом году она стала брать с собой в наше пристанище книжки. Она ведь у меня умница. Представляешь себе картину? Она сидит на циновке и читает «Маленьких женщин», а я принесенной из дома соковыжималкой давлю из апельсинов сок. Потом мы пьем его из бумажных стаканчиков, которые остались с празднования дня ее рождения. Что еще человеку нужно для счастья?

Именно туда, в наше пристанище, я и побежал. Айелет осталась дома с Яэль, поближе к телефону. Рут вместе с полицейскими отправилась обходить те места, где обычно любил бродить Герман. Но у меня было свое предчувствие; оно и заставило меня броситься в цитрусовую рощу. На улице уже стемнело. У входа горели фонари, но там, под деревьями, все было черно, хоть глаз выколи. Меня до крови оцарапала ветка, но я этого даже не заметил. Только потом, дома, обнаружил ссадину. Я бежал. В ноздри ударил запах гнили. Землю устилали фрукты, вовремя не собранные тайскими рабочими; над ними кружили стаи мух.

Добравшись до третьего ряда, я уже знал, что они там. Я их почуял. Не могу тебе это объяснить. Может, нос уловил запах шампуня Оффри. Или сработала невидимая нить, которая связывает родителей с детьми: ты просто чувствуешь, что твой ребенок рядом, даже если его не видишь. Я вставил обойму, взвел курок и положил палец на спусковой крючок. С той минуты, как я вошел в цитрусовую рощу, меня преследовала одна и та же картина, и я знал, что, если мои худшие предчувствия оправдаются, Герман получит пулю в висок. Не в спину, чтобы пуля, упаси бог, не прошла сквозь него навывлет и не попала в нее. Я зайду сбоку, приставлю дуло к его виску и нажму на спусковой крючок.

Плач. Первым я услышал плач. Отец различит плач своего ребенка из сотни хнычущих детей. Я мгновенно понял, что плачет не Оффри. Что происходит? Неужели он, кроме нее, похитил еще одну девочку? Держа палец на спусковом крючке, я на цыпочках двинулся вперед. Ребенок угадает шаги отца из сотен других родителей. Я тихо подкрадывался ближе, когда совсем рядом вдруг раздался голос Оффри: «Папа?» Голос звучал нормально. Ни следа истерики. «Да, милая, это я», – отозвался я. И прошел еще несколько шагов.

Я раздвинул последние ветки, которые заслоняли мне картину, и увидел их. Они сидели на циновке. Оффри вытянула вперед свои ножки, и Герман положил ей на бедра свою крупную седую голову. Его галстук свисал у нее с колена. Герман плакал.

Он всхлипывал. В промежутке между всхлипами он поднял на меня свои серые глаза и сказал: «Простите меня. Пожалуйста, простите!»

Это было странно. Он просил его простить, но никакого сожаления у него в глазах я не заметил. В них светились что-то другое.

Я велел ему подняться.

Он продолжал рыдать. И не двигался с места. Я принял его плач за свидетельство признания того, что он совершил нечто непростительное. Я навел на него пистолет и сказал: «Вставайте, Герман, иначе я сам не знаю, что с вами сделаю».

- Он сломался, папа, - сказала Оффри. - Он не может встать.

- Что значит - не может встать? - возмутился я.

При виде его головы у нее на бедре у меня как будто помутился разум. Я схватил его за руку и резко дернул вверх. Раздался хруст. Похоже, я сломал ему кость. Или порвал сухожилие. Он упал на колени и застонал от боли. Я отпустил его руку и позволил ему упасть на циновку.

- Что он тебе сделал? - спросил я Оффри.

Она молча отвела глаза. Возможно, если бы она мне ответила, все сложилось бы по-другому. Но она не ответила, просто отвела глаза.

- Скажи мне, Оффри, - настаивал я. - Как вы вообще здесь очутились?

- Мы заблудились, - сказала она. И снова замолчала.

Герман продолжал стонать от боли. У него на брюках, в районе ширинки - я только что это заметил - расплзлось влажное пятно. Я не знал, когда оно появилось - раньше или прямо сейчас. Но в глазах... В глазах горел похотливый огонек. Вот что я в них увидел. Очевидный огонек сексуального возбуждения.

Я все еще держал палец на спусковом крючке. Мне хотелось пристрелить его, прикончить, как больную лошадь. Клянусь тебе!

- Вы заблудились? - спросил я Оффри.

- Да, мы гуляли, и вдруг Герман сломался, и мы не знали, как вернуться домой, потому что зашли очень далеко, мы все ходили и ходили, и у него ужасно

разболелись ноги. Потом он захотел писать, и, как раз когда он сказал, что хочет писать, я поняла, что мы идем по тропинке к цитрусовой роще, и сказала, что знаю одно место.

– Значит, это ты подала ему идею? Но зачем?

– Я же знала, что ты придешь сюда меня искать, – сказала Офри и обняла меня. – Я знала, что ты найдешь меня, папа.

Она заплакала, уткнувшись головой мне в ногу. И это не были слезы облегчения. Нет. В ее всхлипах прорывалось что-то такое, что меньше всего походило на облегчение. Я позвонил Айелет. Сказал, что нашел их и нуждаюсь в помощи, потому что Герман, судя по всему, сломал ногу и не может идти. Она спросила: «Как она?» – «Могло быть и хуже», – ответил я. «Что ты имеешь в виду?» – спросила она. «Так ты собираешься организовать подмогу или нет?» – сказал я.

Как выяснилось, полиция в подобных случаях действует по четко отработанной схеме. Вынужден признаться, что я был приятно удивлен. В первые же сутки Германа и Офри опросили и подвергли тщательному медицинскому осмотру с целью, как выразился руководитель отдела, «исключить вероятность сексуального насилия». С Германом разговаривали в ортопедическом отделении больницы Ассафа Харофе. С Офри – в полицейском участке, в присутствии социального работника. Дознаватели пришли к твердому убеждению: он не сделал ничего, что могло быть квалифицировано как сексуальное надругательство, хотя физический контакт между ними, безусловно, имел место. Гуляя по улицам, они держались за руки. Один раз он попросил ее поцеловать его в щеку. Затем, когда стемнело и они заблудились, он почувствовал унижение из-за своей беспомощности и заплакал, а она, пытаясь успокоить, гладила его по голове. Но этим все и ограничилось. Никаких следов спермы. Ни царапин, ни кровоподтеков. «К счастью, – сказал офицер полиции, – у нас нет никаких оснований для продолжения следствия».

Но я вовсе не чувствовал себя счастливым. Меня грызли дурные предчувствия. Они меня не оставляли. С какой стати он посреди улицы попросил, чтобы она его чмокнула? Даже не на лестнице в подъезде, а посреди улицы? Неужели сил не было сдержаться? А потом, этот огонек, который я уловил в его глазах... И его безутешные рыдания – никто не станет так плакать только потому, что заблудился. Что-то здесь не сходилось, хотя я не понимал, что именно. Но все, что говорил офицер полиции, звучало логично, и Айелет ему поверила. В

последующие дни Офри вела себя как обычно: без малейших признаков перенесенной травмы, а у меня не было никаких доказательств. Только предчувствие.

Первые симптомы проявились через две недели. Дочка отказалась ходить на дополнительные занятия: не желала продолжать учиться играть на скрипке, посещать кружок по рисованию комиксов и секцию гимнастики. Я отвезил ее на очередные занятия, но она оставалась сидеть в машине.

- Почему ты не хочешь туда идти, Офри?

- Потому что не хочу.

- А почему не хочешь?

- Потому что.

В первую неделю я ей уступал. На вторую неделю проявил настойчивость, чуть ли не силой вытащил ее из машины и отвел на кружок комиксов. Через пятнадцать минут мне позвонила секретарь досугового центра: «Ваша девочка без конца плачет. Это мешает другим детям сосредоточиться на занятиях. Заберите ее, пожалуйста». Я пришел за ней, крепко ее обнял и спросил: «Что случилось, милая?» Она сжалась в моем объятии, словно испуганная прикосновением мужчины. Слово знала, что прикосновение мужчины может быть опасным. «Ничего, папа, – сказала она. – Я же говорила, что не хочу идти в кружок, а ты меня заставил». Айелет позвонила на работу учительница. Я узнал об этом звонке вечером, после того как мы убедились, что девочки спят. Оказывается, Офри перестала на перемене выходить во двор. Оставалась сидеть за партой и читать книжку. Подружки звали ее играть, но она им не отвечала. У нее снизилась успеваемость. В последнем диктанте по английскому она сделала шесть ошибок – больше, чем за весь предыдущий учебный год. Я пытался с ней поговорить. Выяснить, в чем дело. Она сказала, что ее одноклассники – какая-то малышня. Что ей неинтересно с ними играть. Что они болтают глупости и делают глупости. Что за глупости? Она в ответ ни слова. «Может, ты будешь выходить на перемену через раз?» – предложил я. Она промолчала. Утром обнаружилось, что у нее мокрая постель. Ее младшая сестренка только что научилась обходиться без подгузников, а Офри снова начала писаться по ночам. Она не казалась удивленной или смущенной. Молча шла в душ, мылась,

вытиралась, доставала из шкафа и надевала чистые трусы. Ладно, с кем не бывает, подумал я, но назавтра повторилось то же самое.

Примерно через неделю я сказал Айелет: «С нашей дочерью творится что-то ужасное, а мы только ушами хлопаем». Мы лежали в постели, глядя в темноте в потолок, и Айелет тоненьким голоском, какого я раньше от нее не слышал, сказала: «Я не знаю, что делать, Арнон, я никогда не чувствовала себя такой беспомощной».

Я спросил, заметила ли она, что в последнее время у Офри изменился взгляд.

– Взгляд? – переспросила она. – Что значит – изменился взгляд?

Я так и не понял, она в самом деле ничего не заметила или притворялась, и сказал: «В ее взгляде больше нет невинности. Слушай, там, в цитрусовой роще, случилось что-то, о чем она нам не рассказывает. Когда я их там обнаружил... Не знаю... Герман вел себя как-то странно».

– Но полиция... – сказала Айелет все тем же тоненьким голоском.

– В интересах полиции, – прервал я ее, – закрывать, а не открывать дела.

Мы позвонили психологу. Ее порекомендовала нам приятельница Айелет. Ты в курсе того, что я думаю о психологах, но, когда припрет, идешь на все. Мы отправились в ее клинику в мошаве. Клиника располагалась в небольшом каменном строении позади роскошной виллы. В нее вел отдельный вход с тщательно замаскированной дверью. Ради анонимности пациентов. Внутри обстановка поражала богатством. Каждый предмет мебели – кожаная кушетка, стол, стулья – стоил примерно столько же, сколько наша квартира. Айелет воскликнула: «Как у вас красиво!» Она никогда не скупится на комплименты посторонним людям.

Психолог поблагодарила ее и спросила, что нас к ней привело. Когда мы изложили ей суть дела, она спокойным голосом сказала: «Предлагаю вам методику «Семь встреч». Две с вами. Две с вами и с девочкой. Две только с девочкой. И последняя – для подведения итогов и оценки результата».

Во время седьмой встречи она огласила свое заключение: «Я думаю, что было бы неправильно искать единственный внешний фактор, влияющий на то, что происходит с Офри. Перед нами комбинация ряда факторов. Рождение младшей сестры, повышение школьных требований, разрыв между уровнем ее развития и уровнем развития других детей, проявляющийся в ее отношениях со сверстниками. И конечно, неприятный инцидент с соседом, который, бесспорно...»

Айелет согласно кивала головой. У меня возникло впечатление, что она готова заулыбаться. Но не радостной улыбкой. Улыбкой облегчения. Ведь стоит услышать про «комбинацию ряда факторов», и жизнь предстает в совсем другом свете, не так ли? Знаешь что? Я не исключаю, что именно из-за этого я и сорвался. Из-за улыбки Айелет. Или из-за формулировки психолога. «Неприятный инцидент». Эта их профессиональная терминология. И за это бла-бла-бла мы платили пятьсот шекелей в час. Пятьсот шекелей! Неудивительно, что она может покупать такие кушеточки. Поэтому я перебил ее излияния на тему «комбинации факторов» и в лоб спросил: «Рассказала вам Офри или нет? И что она вам рассказала?»

Айелет положила руку мне на бедро, как ребенку, и сказала: «Арнон, позволь Нирит закончить...» Я сбросил ее руку и заорал: «Я желаю знать, что она рассказала вам о случившемся в цитрусовой роще! Я уже два месяца не смыкаю из-за этого глаз, а вы, насколько я понял, будете битый час трындеть нам про комбинацию факторов, а потом скажете, что очень сожалеете, но наше время истекло...»

– Предлагаю всем нам успокоиться, – сказала психологиня.

Я стукнул кулаком по столу: я не собираюсь успокаиваться! Я ваш клиент, и я требую сообщить мне сведения, которыми вы, в отличие от меня, располагаете.

Психологиня поправила у себя на шее красный шарфик. Она постоянно носила яркие шарфики, хотя на улице стояла жара. Меня обуяло желание схватить этот шарфик за концы и придушить ее.

– Я ничего от вас не скрываю, Арнон, – сказала она. – Из того немногого, что мне удалось выпытать у Офри, складывается картина, очень похожая на ту, которую выявило полицейское расследование. Они заблудились. Было темно. Она повела

его в цитрусовую рощу, потому что была уверена, что именно там вы будете их искать.

- Она говорила, что по пути он просил ее его поцеловать?

Как мы ни давили, нам не удалось выжать из нее никаких новых подробностей. Зато она сказала:

- Во время нашей последней встречи я предложила ей нарисовать ее семью. Вот ее рисунок. Девочка опирается на отца, мать с сестрой стоят рядом. Здесь нет ни одной детали, которая указывала бы на травму, которую, как вы боитесь, он ей нанес. Иными словами, я предполагаю, что в цитрусовой роще не произошло ничего, связанного с сексом. Я подчеркиваю, что это не утверждение, а предположение, потому что в подобных случаях существует вероятность, что случившееся настолько травматично, что память о нем подавлена и загнана глубоко в подсознание, пока не позволив нам до себя добраться. - Пока? - спросила Айелет. - То есть вы верите, что до нее можно добраться?

Психолог поиграла концами своего шарфика и сказала, что она этого не знает.

Я решил расставить все точки над «і»:

- Вы хотите сказать, что мы, возможно, никогда не узнаем, что там произошло? Что мы никогда ни в чем не будем уверены?

Мне хватило легкого наклона ее подбородка, который я заметил еще до того, как она открыла рот. Я встал с ее гребаной кушетки и вышел, хлопнув за собой дверь. С грохотом. И надеждой, что в ее выпендренной двери останется уродливая трещина. Айелет нагнала меня на парковке.

- Что с тобой, Арнон, ты что, спятил?

Я сказал ей, что мне нужны ответы, а не траханье мозгов и что я еду к единственному человеку, от которого могу их получить.

Возможно, если бы Айелет пошла к Герману вместе со мной, не случилось бы того, что случилось. Но она не пошла. Ей было неудобно перед психологиней.

Представляешь? Мы платим ей пятьсот шекелей в час, и нам же еще и неудобно.

- Вернемся, Арнон, - сказала мне Айелет. - Хотя бы до конца приема.

- Ты со мной едешь или нет? - спросил я.

- Нет, не еду. Если ты свихнулся, это не означает, что я тоже должна свихнуться.

Я сел в машину и поехал в больницу Ассафа Харофе. Я знал, что Германа уже перевели из ортопедического отделения в терапию. Больше я ничего не знал. На протяжении последних недель, если у нас заканчивался лук, я не готовил шакшуку. Они тоже не стучались к нам в дверь. Из того, что большую часть дня их машины на парковке не было, я сделал вывод, что Герман все еще в больнице, а Рут сидит с ним. Как-то раз Айелет столкнулась с ней в подъезде. Они возвращались с работы примерно в одно и то же время. Рут сказала, что, пока Герман лежал в ортопедии, у него обострились все возрастные болячки, и его перевели в другое отделение.

Я спросил Айелет, извинилась ли перед ней Рут. - Наоборот, - сказала Айелет.

- Что значит - наоборот?

- Насколько я поняла, она на нас очень зла.

- За что же ей на нас злиться?

- Она утверждает, что это из-за тебя Герман попал в больницу. Она говорит, что в цитрусовой роще ты дернул его за руку. Это правда?

- Он не мог сам встать.

- Так ты дернул его или нет?

- Дернул.

- Так вот, по ее мнению, во всех его бедах виноват ты.

– Она упоминала, что мы должны ей деньги?

– Нет, – сказала Айелет. – Но мы и правда должны им заплатить.

– Плати, если хочешь. От меня они не дождутся ни шекеля.

В торговом центре рядом с больницей я купил букет цветов. Я решил сделать вид, что пришел с миром. Это был единственный шанс, что Рут разрешит мне остаться с ним в палате наедине. В приемной терапевтического отделения мне назвали номер палаты – четырнадцатая. Ближайшую к двери койку палаты занимал старик-араб, который посмотрел на меня так, словно я солдат и ворвался к нему в дом. Я прошел дальше. Отодвинул занавеску и увидел Германа и Рут. Он лежал в постели с закрытыми глазами, из носа торчала трубка. Она сидела рядом и читала «Йекинтон» – газету йеков, которую им раз в неделю бросают в почтовый ящик. На тумбочке рядом с кроватью стояла тарелка с тонкими ломтиками ее мраморного пирога. Оба выглядели гораздо более старыми, чем мне помнилось. Ее пышная шевелюра вдруг показалась жидкой, как будто у нее выпала половина волос. Она подняла глаза от газеты и сказала:

– А, это ты.

Я протянул ей букет. Она сказала:

– Спасибо.

Но в ее голосе не слышалось благодарности. Я спросил, как он.

– Плохо, – ответила она.

– Что с ним?

– Все. Помутнение сознания. Закупорка сосудов. Опухоль в толстой кишке. Врачи говорят, что давно не видели такого букета болезней у одного пациента.

Я молчал. Что тут скажешь? Она тоже молчала. Так бывает, когда людям нужно слишком многое сказать друг другу.

Старик-араб застонал. Герман открыл глаза, посмотрел сначала на Рут, потом на меня. Задержал взгляд на мне. Отвел глаза и уставился на стену перед собой, как будто ему показывали финал чемпионата мира по футболу.

– Чуть не забыл, – сказал я Рут. – Медсестры просили вас зайти в администрацию. Надо заполнить какие-то бумаги.

Она посмотрела на меня с подозрением, поэтому я как можно сердечнее сказал:

– Не волнуйтесь, я с ним посижу.

Она вышла, и я задернул за ней занавеску. Подождал, пока не хлопнет дверь палаты, и тут же, не теряя ни минуты, наклонился над Германом, схватил его за подбородок, сдвинул влево, чтобы поймать его взгляд, и сказал:

– А теперь, господин Герман Вольф, ты мне расскажешь, что произошло в цитрусовой роще.

Он не ответил. Я выдернул у него из носа трубку и наклонился к нему еще ближе:

– Что ты сделал с моей дочерью, Герман?

Он по-прежнему молчал, но в его серых глазах вспыхнула искра.

«Я изображаю из себя идиота, чтобы не отвечать на твои вопросы», – вот что без слов говорила эта искра.

И потому я утратил над собой контроль.

Я обеими руками схватил его за шею и начал ее сжимать. «Если ты сейчас же мне не расскажешь, я тебя удавлю», – прошипел я.

Я допустил ошибку, оставив ему руки свободными. Надо было душить его одной рукой, а второй прижать его руки к кровати. Через несколько секунд он бы сдался и заговорил. Я в этом не сомневаюсь. Но я этого не сделал, и он сумел дотянуться до кнопки вызова. Я этого даже не заметил. Не слышал звонка. Но

вдруг кто-то просунул мне руки под мышки и потянул назад, а кто-то еще навалился на меня спереди. В ход пошли локти, и кулаки, и пинки ногами. Все орало. Я отбивался, как лев, клянусь тебе, но в палату набежала куча санитаров, и в конце концов они прижали меня к засранному больничному полу, а один уселся мне на спину и с жутким русским акцентом сказал, что сейчас прибудет полиция и мне лучше не дергаться.

Вечером в участок приехала Айелет и внесла за меня залог. Она приехала прямо с работы, в адвокатской мантии, и, когда она появилась, я на долю секунды усомнился, кто это – то ли моя жена, то ли незнакомая красавица, которой я плачу, чтобы она защищала меня в суде. Я крепко ее обнял. Я хотел нащупать выступающую косточку у нее ниже поясницы. Удостовериться, что это она. Она ответила на мое объятие. Молча. Подарила мне это утешение.

Когда мы вышли из участка, она сказала:

– Тебе крупно повезло. Рут решила не подавать на тебя жалобу. А без ее заявления полиция не станет заводить на тебя дело.

До самых ворот участка я шел молча. Честно говоря, я все еще был в шоке от ареста. Помнится, в одной из своих книг ты описываешь, как парня сажают за решетку. В последней, да? Точно, в последней. Не обижайся, но ты понятия не имеешь, что это такое – оказаться на нарах. Это все равно что получить по морде! Что я имею в виду? Я всегда считал, что люди делятся на две категории – нормальные и преступники. И ты принадлежишь к одной из них. Промежуточных вариантов нет. Но когда ты лежишь в камере на вонючем матрасе и смотришь в потолок или на стены, исписанные твоими предшественниками, ты понимаешь, что все зависит от того, насколько сильно на тебя надавили и на какую болезненную точку нажали. В каждом из нас сидит преступник, в любую минуту готовый поднять голову, понимаешь?

На парковке Айелет подошла к машине со стороны водителя. Я сказал, что могу сам поехать, но она села за руль, как будто меня не слышала. Когда мы тронулись, я сказал: «Знаешь, почему Рут не подала жалобу? Потому что понимает, что лучше не открывать этот ящик Пандоры», на что Айелет ответила: «Она не подала на тебя жалобу, Арнон, потому что я упростила ее этого не делать. Я сегодня с обеда не слезала с телефона, все ее уговаривала. Вот чем я сегодня занималась на работе. Объясняла, что у тебя трудный период, напоминала, сколько хорошего мы для них сделали. Знаешь, сколько тебе

светило, подай она жалобу? Четыре года. Четыре года тюрьмы! Четыре года без Офри и Яэль!»

- То, что она не стала жаловаться, - не сдавался я, - только доказывает, что в цитрусовой роще что-то произошло. Ты защищаешь своего мужа, она своего. Это сделка. Жаль только, что расплачивается за эту сделку твоя дочь.

Тут Айелет взвилась:

- Ты больной на всю голову! Если честно, я вообще не понимаю, чего ты хочешь. Полиция говорит, что ничего не было. Психолог говорит, что ничего не было. Что ты увидел, когда туда добрался? Как плачет Герман. Тогда в чем дело? Ты что, ловишь от всего этого кайф?

- Что значит - кайф? На что ты намекаешь?

- Сама не знаю.

- Ну уж нет. Начала, так договаривай.

- Я правда не знаю, Арнон. Я тебя не понимаю. Я не понимаю, почему ты наорал на психолога. Не понимаю, почему ты попытался задушить Германа. Не понимаю, что с тобой происходит.

- Что со мной происходит? Моя дочь идет в цитрусовую рощу со стариком, который любит, когда его целуют. В темноте. Когда я их обнаружил, у него на ширинке было влажное пятно, а в глазах - похоть. Потом моя дочь начинает мочиться в постель. Каждую ночь. Вот что со мной происходит. Тебе все еще непонятно?

- Слушай, Арнон, не все же такие сексуально озабоченные, как ты.

- Это я сексуально озабоченный? Я?

- Да, ты.

- Что?!

– То, что слышишь.

– А тебе известно, – сказал я, – что из всех моих друзей я единственный, кто ни разу не изменил жене? Единственный!

– Постой-постой, – сказала она. – Тебе что, за это полагается награда?

Спокойно, дружище, без нервов, о'кей?

Я уже двадцать лет молчу как рыба о твоих шалостях. И не только я. Вся наша рота как в рот воды набрала. Ты знаешь, что на меня можно положиться.

Разумеется, я не называл никаких имен. Кроме того, никто не поверит слухам о тебе, особенно если послушать, как ты в разных интервью отзываешься о Шири и своих мальчишках. Ты – образцовый семьянин. Да и, если разобраться, что там было-то? Ну, немецкая журналистка, ну, поцелуй в щечку... Что такого? И вообще, разбить одно нацистское сердце – святое дело.

Ну как, успокоился? Можно продолжать?

В каждой ссоре есть точка невозврата, после которой уже ничего нельзя исправить. Ты с таким сталкивался? Вот именно это с нами и произошло. Что такого я ей сказал? «Если бы это случилось с Яэль, ты бы вела себя по-другому».

Согласись, это не какая-нибудь государственная тайна. В каждой семье у родителей есть любимчики. Вспомнив хоть Библию, историю Иакова и Исав. Каждому ясно, что Иаков – любимчик матери, а Исав – любимчик отца. Короче говоря, это естественно, что родитель одного ребенка любит больше, чем другого. А вот что неестественно – как выяснилось – это говорить об этом вслух. Ты не имеешь права заикаться о своих предпочтениях. Но я не сумел вовремя прикусить язык. Она сидела за рулем в своей мантии, с собранными в пучок волосами, и говорила со мной с такой снисходительностью, как будто она интеллектуалка, а я темнота. Я был обязан поставить ее на место. Их иногда надо ставить на место.

Но она остановила машину и велела мне выметаться. Она не случайно затормозила прямо посреди Четвертого шоссе. Зная, что рядом нет ни одной

автозаправки, а до ближайшего перекрестка пилить и пилить. «Не дури», – сказал я ей. А она: «Если ты не выйдешь, выйду я».

Я прожил с Айелет достаточно долго, чтобы понять, что она не шутит. «Поезжай дальше», – сказал я. «Я выхожу», – ответила она и открыла дверцу. В машину ворвался гул автострады. «Закрой дверцу, – сказал я, – это опасно». Она повторила: «Или ты выходишь, или я». И оставила дверцу открытой.

Я вышел. Не мог же я бросить ее в темноте посреди дороги. Она тоже прожила со мной достаточно долго, чтобы хорошенько меня изучить. Чертова кукла.

Когда я служил в армии, она однажды в субботу приехала на Первую учебную базу меня навестить. Из Хайфы до Мицпе-Рамона добиралась на автобусах. Меня в жизни не окружали таким уважением, как в ту субботу. Товарищи освободили меня от дежурств и других работ и предоставили нам комнату, чтобы мы могли побыть наедине. Моей заслуги в том не было. Не сказать, что меня так уж любили во взводе. Это все она. А что она сделала? Проявила к ним каплю интереса и за ужином посмеялась над их шуточками. И все, как один, легли к ее ногам. Айелет это умеет. Ты ведь тоже на нее клюнул, я сам видел. Не отнекивайся, я заметил, как ты на нее посмотрел, когда она предложила тебе мороженое. Ты бросил на нее томный писательский взгляд. Ладно, я привык, что мужики так на нее реагируют. Кроме того, не обижайся, но ты точно не в ее вкусе.

В субботу вечером я проводил ее к воротам базы, чтобы посадить на автобус. Мы простояли там целый час, а то и полтора. Время пролетело незаметно, потому что мы разговаривали. В разговоре с Айелет забываешь о времени. У нее всегда наготове новая удивительная идея, которой она готова с тобой поделиться. Мы вместе двадцать лет, но я никогда не знаю, что она произнесет в следующую минуту.

Автобуса все не было. В конце концов из будки вышел дежурный и сказал нам, что в субботу вечером автобус не ходит. Надо идти пешком до перекрестка Призраков, а там ловить попутку. Она крепко обняла меня и сказала: «Пока, Нонни». – «Ты что, Лелет, – сказал я, – я тебя одну в такой темноте не отпущу. Я тебя провожу». Она удивилась: «А разве тебе можно уходить с базы?» Я соврал, что можно. Разумеется, покидать базу было строго запрещено; мало того, через два часа после окончания Шаббата у нас по расписанию была переключка. Шансы, что я вовремя вернусь назад, стремились к нулю. Короче, я ушел в

самоволку. Чем я рисковал? Вылететь с курса. Автоматом. Без суда и следствия. Но это было сильнее меня. Я просто не мог допустить, чтобы она посреди ночи стояла одна на перекрестке Призраков. Даже если это означало, что меня попрут с офицерских курсов.

Тут недавно была одна история, в лесистой части Кармеля, ты наверняка про нее слышал. Друзы напали на парочку на придорожной стоянке возле «Маленькой Швейцарии». Неужели не слышал? Они отогнали парня, а девчонку изнасиловали. В ходе следствия он сказал копам, что слышал ее крики о помощи, но не вернулся, потому что боялся. Нет, ты мне скажи, это мужик? Это выродок, а не мужик. Я бы нашел булыжник покрупнее и размозжил этим друзьям головы. А вернее всего, вообще не ушел бы со стоянки. Встал бы между друзьями и девчонкой и сказал бы: «Если вам так ее хочется, сперва убейте меня».

В ту субботу мы с Айелет вместе дошли до перекрестка. Она рассказала мне историю одной своей знакомой, с которой вместе служила. Про нее болтали, что у нее роман с офицером. Тут же она по ассоциации вспомнила фильм с Робинот Уильямсом, который смотрела в субботу без меня, потому что меня не отпустили в увольнение, а от Робина Уильямса перескочила к фильму «Доброе утро, Вьетнам!» и заявила, что, по ее мнению, на наше поколение, не участвовавшее в больших войнах, сильно повлияла киношная война во Вьетнаме. Я слушал ее, время от времени вставляя собственные комментарии и стараясь не выдать свою нервозность.

Только посадив ее в машину и убедившись, что в салоне чисто, а водитель носит очки, я как безумный бросился на базу. В жизни я так быстро не бегал. Если бы измерить мою пробежку секундомером, я бы обошел трех эфиопов, занявших первое, второе и третье места, и побил бы рекорд офицерских курсов за всю их историю. Я опоздал на перекличку на пять минут. Но командир взвода сам опоздал на полчаса. Я чудом не вылетел с курсов. После церемонии, посвященной окончанию курсов, я рассказал Айелет, как рисковал в ту субботу. Я вообще не люблю вранья. Она сказала: «Ты с ума сошел. Я бы прекрасно добралась одна». На что я возразил: «Если бы меня отчислили, я бы расстроился, но за несколько месяцев принял бы это как данность. Но если бы, не приведи господь, с тобой что-нибудь случилось, я бы не смог дальше жить».

Я рассказываю тебе все это, хотя, если честно, шагая вдоль обочины Четвертого шоссе, думал совсем не про это. До самого перекрестка я размышлял о том, что у Айелет суровый, возможно слишком суровый, характер и что мне, возможно,

имеет смысл найти себе кого-нибудь посговорчивей. Дойдя до перекрестка, я стал думать о своем отце. Память иногда играет с нами странные шутки. Я вдруг почему-то вспомнил, что он однажды выкинул. У Мики, моего брата, с шестнадцати до восемнадцати лет была подружка. Дафи. Милейшее создание. Невероятно славная. Длинные гладкие волосы. Огромные карие глаза. Мои родители ее обожали. И вот в один прекрасный день Мики приводит домой другую девчонку. Закрывает дверь своей комнаты. И через несколько минут мы слышим оттуда определенные звуки – ну, понимаешь какие. И тут отец встает с кресла – а он в это время смотрел матч с участием «Маккаби», то есть ты представляешь себе серьезность ситуации, – входит к нему в комнату, хватая его за грудки, вытаскивает в гостиную и кричит: «А где Дафи?» – «А что – Дафи?» – отвечает брат. Тем же наглым таким тоном, каким сегодня с ним разговаривают его собственные дети. Тогда отец как врежет ему по физиономии. «Если, – говорит, – ты больше не любишь Дафи, будь мужчиной и расстанься с ней. В семье Леванони мужчины уважают своих женщин. Так делали мой отец и отец моего отца, и ты тоже будешь вести себя так. Ясно?»

С этим воспоминанием я дошел от перекрестка до дома. И уже планировал, как с опорой на него заткну рот Айелет и докажу ей, что ничего я не сексуально озабоченный. Я заранее заготовил прекрасные фразы, характеризующие мужчин семейства Леванони, но, когда я открыл дверь, меня встретила тишина. Дверь, отделяющая гостиную от садика, была закрыта; диван был застелен простыней, поверх которой лежало тонкое одеяло. На двери спальни красовалась прилепленная скотчем записка: «Не желаю спать с тобой в одной постели. Ты меня пугаешь. Разорви эту записку (если, конечно, не хочешь, чтобы ее прочитала Офри). Спи в гостиной».

Утром меня разбудила Офри. Она подошла ко мне и спросила:

- Папа, почему ты спишь на диване?
- Потому что мы с мамой поссорились.
- Из-за того, что мы не едим здоровую пищу?
- Нет.
- Вы почти всегда ссоритесь по пустякам.

– Верно.

– Но потом всегда миритесь, правда?

– Конечно, милая.

– Пап, я хочу какао.

Мы с Офри обычно встаем первыми и рано уходим в школу. Айелет с Яэль встают через четверть часа и уходят в детский сад. Таков наш утренний распорядок.

Мы с Офри идем в школу пешком. За ручку. По дорожкам между домами. По пути она пересказывает мне книгу, которую читает, а я вполуха ее слушаю. Когда мы приближаемся к школе, она вынимает свою руку из моей. На последних ста метрах ей нравится выглядеть независимой. Я провожаю ее взглядом, пока не увижу, что она вошла в главные ворота. Пока не увижу, что она вошла в школьный двор, я своего наблюдательного поста не покидаю.

В то утро я предложил ей пройти через пекарню в торговом центре и купить по слойке с шоколадом. Она забеспокоилась, что мы опоздаем, но я сказал: «Ну и пусть, ничего страшного». – «Нет, – не согласилась она, – у нас естествознание, а Галина ругается на тех, кто опаздывает». Тогда я пообещал зайти вместе с ней в класс и сказать, что она опоздала из-за меня. «Ладно, пап, но только если не будешь меня позорить перед остальными», – предупредила она. Я кивнул: ни в коем случае. Не позорить означало не целовать ее у всех на виду и не здороваться с учительницей шутовским тоном. Не садиться за парту, изображая из себя ученика.

Мы сели на скамейку возле торгового центра и съели свои слойки. Я просто откусывал от своей. Она раскатывала слой за слоем и ела каждый по отдельности.

– В последнее время, – сказал я, – мы с мамой замечаем, что тебе нелегко. В последнее время, то есть после того случая с Германом...

Она продолжала молча разматывать свою слойку. – Если хочешь рассказать мне, что там произошло, я буду рад тебя выслушать.

Она молчала. Отвела глаза в сторону. Доев слойку, она прикусила губы, будто не давая словам вырваться наружу.

– Ты не хочешь рассказать мне, что там произошло? – снова спросил я. Я чувствовал: еще чуть-чуть, и она со мной поделится.

Но она сказала:

– Я хочу в школу.

Я довел ее до класса. Но, когда дверь за ней захлопнулась, не ушел. В стене классной комнаты было три окошка, задернутые шторками. Одна из них была немного сдвинута, и, встав под определенным углом, я мог увидеть задние ряды парт и Офри, которая направилась туда и села.

Я посмотрел на нее, и сердце у меня сжалось.

Когда взрослый выглядит подавленным, это ничего. Жизнь порой наносит нам суровые удары. Но ребенок?

Моя дочь открывала и закрывала молнию своего пенала. Достала из него карандаши. Что-то нарисовала на обложке тетради. Убрала карандаши в пенал. Время от времени она поднимала глаза на учительницу и снова их опускала. Сейчас, когда я тебе это рассказываю, я понимаю, что ничего особенного она не делала, и все же я заплакал.

Я не плакал с тех пор, когда был примерно в ее возрасте. Вообще-то я ничего не имею против слез, просто у меня их не бывает. Когда Айелет отменила свадьбу и на полгода бросила меня, потому что захотела «побыть в одиночестве», разве мне не хотелось плакать? Хотелось. Когда мне из-за долгов пришлось ликвидировать свой бизнес и возвратиться к работе по найму, разве мне не хотелось плакать? Хотелось. Поверь, что очень хотелось. Ты знаешь, сколько времени я потратил на создание своего дела? Десять лет. И вдруг меньше чем за месяц я лишился трех крупных клиентов, и все рухнуло. Когда Ирис из банка сообщила, что мне отказано в кредите, мои глаза оставались сухими.

Из-за чего я плакал, когда был в ее возрасте? Тебе правда интересно? Из-за всякой ерунды! Как-то мы гуляли с отцом, и я попросил его купить мне эскимо. Он дал мне монетку в одну лиру и велел ждать, пока нам не попадетя киоск. Когда мы проходили над вентиляционной решеткой метро – представляешь себе, о чем я? у вас ведь такие тоже были – дыры в мостовой, из которых тянет ветром, – монета выпала у меня из руки и провалилась в яму. Яма была глубокая, метров трех, не меньше. На дне поблескивали другие монеты, много монет. Я стоял на решетке, топал по ней ногами, плакал и просил отца достать мне мою монету. Но отец – я точно запомнил его слова – сказал: «Там слишком глубоко. Кроме того, Арнон, это научит тебя беречь деньги».

Подглядывая через окно класса на Офри, я набрал номер Айелет. Она не ответила. Я набрал ее номер еще раз. Я хотел, чтобы она ушла с работы и приехала в школу. Я был уверен: стоит ей увидеть то, что видел я, она больше не назовет меня сексуально озабоченным. Но она не ответила. Я звонил ей семь раз. Но Айелет, она такая. «Если я тебе не отвечаю, – однажды призналась она мне, – то потому, что знаю: возьми я трубку, я наговорю тебе такого, что потом об этом пожалею».

Я ненавижу, когда мне не отвечают по телефону. Ненавижу. Но я с этим смирился. Как смирился со многими другими вещами, которые считал недопустимыми. Так бывает, когда любишь женщину с трудным характером. Но в то утро это меня раздавило. Как бы тебе объяснить? Я как будто получил удар ниже пояса. И потому бросил ей названивать и отправился домой. Я пошел не между домами, а по главному шоссе, по самому солнцепеку, и шагал не по тротуару, а по проезжей части. Подозреваю, мне хотелось, чтобы меня сбила машина. С тобой такое случалось? Я имею в виду не желание покончить с собой. Об этом я и не помышлял. Когда идешь по проезжей части посреди машин, ты вовсе не стремишься умереть. Просто тебе надо, чтобы тебя долбануло посильнее. Потому что ты это заслужил.

Почему заслужил? Потому что я идиот. Вот почему. Оставил ее у Германа, чтобы занять лучшее место на велоаэробике. Прекрасно зная, что он не совсем в себе. Если бы я подождал десять – да какой там десять, хотя бы пять минут, – моя девочка, которую я первым взял на руки после рождения, потому что Айелет зашивали, девочка, первым словом которой было слово «папа», девочка, малейшую боль которой я чувствовал как свою, – эта девочка не сидела бы сейчас в классе с пустым взглядом.

На семейных фотографиях Офри всегда выходит хуже, чем в жизни. Ничего не поделаешь, вздыхает Айелет, она не фотогенична. Но дело не в этом. Дело в той искорке в ее глазах, которую не способна ухватить даже самая совершенная камера. Эта искорка и делает ее красоту такой уникальной. Но после ее прогулки с Германом в цитрусовую рощу эта искорка погасла. Умерла.

Я шел посередине дороги, ведущей из школы к нашему дому, и лупил себя кулаками по лбу. Я правда хотел, чтобы сзади на меня налетела машина, швырнула меня на пару метров вперед, чтобы я переломал себе все кости, чтобы примчалась скорая и отвезла меня в «Ассаф Харофе», чтобы меня положили на койку рядом с Германом...

Но в тот утренний час, когда все уже развезли детей по детсадам и школам, на дороге было пусто. И я, увы, добрался до парковки возле нашего дома без всяких приключений. И тут увидел ее. Внучку Германа. Французенку.

Она как раз вышла из дома и направлялась ко мне своей вихляющей походочкой. Как будто танцует тверк. В шортах и белой маечке с тонкими бретельками. Без лифчика. Одна из бретелек сползла на плечо. В шлепанцах на платформе она казалась выше ростом. От нее было не увернуться, даже если мне этого хотелось. Она шла прямо на меня, а приблизившись, привстала на цыпочки и чмокнула меня в обе щеки – вроде бы в щеки, но почти в губы, – и сказала:

– Бонжур, месье Арно, как поживаете? Вы, случайно, не едете в сторону Тель-Авива?

Мне бы сказать нет. Но я не мог, потому что и в самом деле ехал в Тель-Авив, на встречу с «Добрыми остатками». Это ассоциация, которую я организовал. Ну, не я один, а с несколькими коллегами. Неужели я тебе об этом не рассказывал? Значит, мы и правда давно не виделись. Поздно вечером мы собираем в городских ресторанах оставшуюся еду и, вместо того чтобы выкинуть ее на помойку, раскладываем по коробочкам и отправляем нуждающимся детям на юге страны. Отличная идея, верно?

Ну так вот. Я сказал внучке Германа, что еду в Тель-Авив. Не хотелось врать. Не успели мы отъехать, как она скинула шлепанцы и положила свои босые ноги на приборную панель. Мне бы сказать ей, чтобы она их опустила. Что это непорядок. Но у меня слабость к маленьким ножкам. В машине запахло ее

духами. Теми же, что и прошлым летом, но в их аромате что-то изменилось – или что-то изменилось в ней.

Я спросил, когда она прилетела в Израиль, и она ответила:

– Вчера.

О чем еще с ней говорить, я не знал. И тут вдруг она спросила:

– Месье Арно, вы ведь в курсе, что случилось с моим дедушкой?

– Что ты имеешь в виду?

– Бабушка ничего мне не рассказывает. Вернее, кое-что рассказывает, но явно не все.

Я осторожно поинтересовался:

– А что... что бабушка тебе рассказывает?

– Что он шел по улице и упал. И сломал лопатку. Его положили в больницу, а там обнаружили у него еще кучу болезней. Это как-то нелогично. Кроме того, я легко распознаю, когда мне врут. У меня отец был тот еще врун. И мать – врушка. Я знаю эти, как их, признаки.

Я на полсекунды повернул к ней голову и снова перевел взгляд на дорогу.

– Хотелось бы и мне научиться распознавать эти признаки, – сказал я.

– Alors[5 - Зд.: Ну, значит, так (фр.)]... – сказала она, – первым делом – губы. Вот здесь. – Она коснулась пальцем моей нижней губы: – Когда врут, здесь немного дрожит. И здесь тоже. – Палец переместился ко мне на подбородок. – Как это называется на иврите?

– Подбородок?

- Нет, не подбородок...

- Челюсть?

- Ага, челюсть. Когда врешь, она напрягается. И конечно же, глаза. Но не то, что люди думают: что вруны, когда врут, не смотрят в глаза. На самом деле как раз наоборот. Они смотрят вам в глаза, чтобы вы им поверили, но у них во взгляде тень.

- Тень?

- Тень - это ведь противоположность солнцу?

- Да.

- Тогда да, тень.

- А когда бабушка рассказывала тебе о том, что случилось, у нее в глазах была тень?

- Большая тень. Потому я вас и спросила, может, вы что-то знаете.

Я подумал, что должен проявлять осторожность. У меня в машине сидела потенциальная шпионка. Если я поведу себя с ней правильно, она поможет мне раздобыть информацию.

- Я знаю не больше твоего, - сказал я. - Но мне кажется, тебе надо еще раз ее расспросить.

- Что вы имеете в виду?

- Если ты чувствуешь, что кто-то тебе лжет, настаивай, пока не вытянешь правду. Этому меня научила жизнь.

- О-ля-ля, месье Арно! - воскликнула она и легонько ткнула меня в плечо кулачком. - Да вы не только красавец, вы еще и умник! Вот повезло мадам Арно!

- Тебе куда в Тель-Авиве? - перебил я ее.

- На море. Хочу позагорать топлес.

Я чуть было не сказал ей, чтобы не забыла намазаться солнцезащитным кремом. Но прикусил язык - не хотелось выглядеть занудливым папашей.

- А я себе новую татуировку набила, - сказала она. - Хотите посмотреть?

Мы ехали по шоссе Аялон. На Аялоне такое движение, что от дороги глаз ни на секунду не оторвешь. Но я не мог не посмотреть. Она взялась за бретельку - ту самую, что съехала на плечо, - и опустила ее, обнажив верхнюю часть левой груди. Там была звезда Давида. Треугольник на треугольнике.

Она спросила меня, как мне, нравится?

Я ответил, что да.

Она потерла лежащие на приборной панели ноги одна о другую. Они и правда были очень маленькие. Не намного больше, чем у Офри.

- Вообще-то в том, что бабушка и дедушка постоянно в больнице, есть свои преимущества, - сказала она.

Мы стояли в пробке возле площади Атарим, в том месте, откуда хорошо видны волнорезы, похожие на дефисы в официальном названии города: Тель-Авив-Яффо.

- Да? - повернулся я к ней. - И что же это за преимущество?

- Пустой дом, - засмеялась она. - Можно привести кого хочу.

- Да ну? - отозвался я. - Скажи пожалуйста. - И снова уставился на дорогу.

- Когда я получаю удовольствие, - добавила она, - я имею в виду в постели, я люблю, чтобы парень, который со мной, это понял. Он этого заслуживает. За

предпринятые усилия. И мне было бы очень неприятно, если бы бабушка и дедушка слышали это из другой комнаты.

Договорив, она покосилась на меня – проверить, какое впечатление на меня произвели ее слова.

Я и бровью не повел.

Она открыла окно, шумно вдохнула – было слышно, как ее грудь наполняется воздухом, – и сказала:

– До чего приятный в Тель-Авиве ветерок. А вот у нас в Париже ветер всегда противный.

Я высадил ее возле пляжа «Фришман». Она поцеловала меня в щеку, еще ближе к губам, чем утром, и сказала:

– А завтра вы в Тель-Авив поедете?

Это было неделю назад. С тех пор мои дни – вплоть до вчерашнего – походили один на другой. По вечерам, уложив девочек спать, мы с Айелет начинали выяснять отношения. Что служило поводом? Айелет говорила, что у меня поехала крыша и мне нужно лечиться. Что после того, как рухнул мой бизнес и я вернулся к работе по найму, меня не покидает обида и я вымещаю эту обиду на каждом, кто подвернется под руку. Что я не тот мужчина, за которого она выходила замуж. Что мужчина, за которого она выходила замуж, не стал бы душить больного старика. Она называла меня тираном. Говорила, что я спорю с реальностью, требую, чтобы все думали по-моему, а всех, кто не согласен с моими завиральными идеями, считаю идиотами. Что у меня всегда была такая склонность, и именно по этой причине она в свое время взяла полгода на размышление, прежде чем стать моей женой. Что именно этого она и боялась. Что все мои дутые тревоги по поводу Офри преследуют единственную цель – выставить ее плохой матерью. Ей это надоело. Ей это окончательно надоело.

Что говорил ей я? Поди поспорь с адвокатом. Едва я открывал рот, как она меня перебивала. Поэтому я мало что сказал. Зато много слушал, чувствуя, как каждое произнесенное ею слово отдаляет ее от меня все больше. Ее последние реплики доносились до меня как будто с другой планеты.

Потом я смотрел теледебаты и слушал, как их участники поливают друг друга грязью, пока не засыпал на диване в гостиной. Утром Офри будила меня, и мы шли в школу – она читала на ходу «Энн из Зеленых Крыш», а я сигнализировал ей, когда она приближалась к дереву. Каждое утро мы останавливались в торговом центре и покупали по слойке. Она разматывала свою на полоски, я кусал от целой слойки. Я перестал спрашивать ее про то, что произошло в цитрусовой роще. Понял, что мои вопросы ее тревожат, а ответа я все равно не получу. Поэтому я просто сидел рядом с ней, стараясь окутать ее облаком любви и без помощи слов дать ей как можно больше защиты. Обнимать и целовать ее тоже было нельзя: вдруг ее увидит кто-нибудь из класса и она смутится. Поэтому мне оставалось одно: своим присутствием внушить ей мысль, что в мире есть человек, на которого она может целиком положиться. Без пяти восемь мы вставали со скамейки. После первого дня она объявила, что больше опаздывать не намерена. Без двух минут восемь она со мной прощалась и с независимым видом шла к воротам школы.

В восемь ноль пять я сажал в машину французскую шпионку и вез ее в Тель-Авив. Так продолжалось до вчерашнего дня.

Забравшись в машину, она сразу задирала ноги на приборный щиток – каждое утро меняя цвет лака – и начинала рассказывать, какие парни клеились к ней вчера на пляже. Один из них подошел к ней с ракетками в руках и предложил сыграть, но она сказала, что не любит теннис: он спасовал и отвалил. Потом второй, кстати красавчик, выпытывал у нее, кем работает ее отец – уж не садовником ли? Она ответила: «Мой отец бросил нас, когда мне было шесть лет, и я понятия не имею, чем он сейчас занимается». Парень что-то залопотал и разом потерял в ее глазах всякую привлекательность.

Она вообще недоумевала, что случилось с мужчинами в Израиле. Раньше они были крепкими и жесткими, как панцирь моллюска. А сейчас стали мягкими как моллюски. И не понимают намеков! Вчера один взрослый мужчина пригласил ее поужинать в ресторан. Подливал ей вино. Она не сомневалась, что потом они поедут к нему. Даже сказала: «Умираю, до чего хочется в душ!» А он отвез ее на центральную автобусную станцию, чмокнул в щечку и спросил, не хочет ли она завтра сходить с ним в кино. В кино? *Qu'est-ce que c'est que ça?* [б - Что это еще такое? (фр.)] Он что, не понимает, что иногда девушке просто хочется секса?

Я не был уверен, что все ее истории правдивы. Это трудно объяснить. Но в том, как она их рассказывала, было что-то... Ее описания были слишком общими. Слишком отдавали клише. Будто она все это где-то вычитала. Но я ее слушал терпеливо, стараясь ничем не выдать, что жду, когда она заговорит о том, что меня действительно волнует.

Обычно она добиралась до нужного сюжета к концу поездки: да, вчера она навестила дедушку Германа. Он чувствовал себя неплохо. Рассуждал вполне здраво. Она решила воспользоваться случаем и спросила, как получилось, что он попал в больницу. Вдруг его голубые глаза стали серыми, и он надолго замолчал. А бабушка сказала: «Дедушке нельзя волноваться. Его надо беречь». А она спросила: «А что я такого сказала? С чего тут волноваться?» Бабушка ничего не ответила.

В другой день дедушке Герману стало немного лучше, и он вышел в холл посмотреть телевизор. Передавали чемпионат мира по художественной гимнастике. Она села рядом с ним, чтобы ему было не так одиноко. Он смотрел на экран и вдруг начал плакать.

– Разве это не странно – плакать из-за того, что несколько девчонок бросают в воздух мячи и ленты? – Очень странно, – согласился я. – Думаю, тебе следует продолжать это расследование. Судя по твоим словам, у меня впечатление, что ты права, Карин. Что они действительно что-то от тебя скрывают. И если ты не узнаешь этого сейчас, то не узнаешь уже никогда.

Она вытаращила глаза:

– Но, Арно, что я должна делать?

– Не знаю, – сказал я. – Ты умная девушка. Я уверен, если ты раскинешь мозгами, что-нибудь обязательно придумаешь.

Она всем корпусом повернулась ко мне и спросила, действительно ли я думаю, что она умная.

Я это подтвердил.

Потом она сказала:

– У вас в машине очень жарко. Вы не против, если я сниму майку и останусь в купальнике? А то я уже вся мокрая... В смысле – потная...

Ее заигрывания от поездки к поездке становились все более откровенными. Днем это на меня не действовало. Днем мне было все равно. Она то и дело норовила до меня дотронуться, как бы невзначай оглаживала свои бедра, а прощаясь, целовала меня в щеку у самого рта. Я даже не поморщился, когда однажды она сказала: «Мне страшно не хватает моего парижского вибратора. Не представляю, как я могла его забыть». Или когда заявила: «Я, конечно, сплю с молодыми парнями, но кончаю только с настоящими взрослыми мужчинами».

Днем она казалась мне девчонкой, которой отчаянно хочется, чтобы на нее обратили внимание, а потому готовой на самые вульгарные выходки.

Но ночью, ворочаясь на диване в гостиной, я мечтал о ней. Я занимался с ней любовью и причинял ей боль. Дергал ее за волосы, шлепал ладонью по заднице, слегка придушивал большими пальцами. Ей это нравилось. Она получала наслаждение от боли и приговаривала: «Сильней, месье Арно, еще сильней». В начале наших отношений Айелет тоже любила жесткий секс. Но несколько лет назад он ей разонравился – внезапно, без каких-либо причин. Он перестал доставлять ей удовольствие. Я это принял. Я не из тех мужчин, которые принуждают женщину делать то, что ей неприятно. В постели я получаю наслаждение от наслаждения партнера. Не хочешь жесткого секса – не надо. Когда мы от него отказались и перешли к более, гм, деликатным вариантам, я даже не почувствовал, что мне чего-то не хватает.

Ты не против, старина, если мы пересядем за другой столик? Нет? А то за соседний столик только что села парочка... Боюсь, они к нам слишком близко, а я как раз собираюсь тебе рассказать, что было дальше. Как тебе, удобно? Поверь, я страшно тебе благодарен за то, что ты уже два часа слушаешь мои излияния. Закажи себе что-нибудь. Я угощаю. У меня здесь скидка. Весь дизайн тут мой. От росписи потолка до подставок под пивные кружки. Неплохо, верно? Что тебе предложить? Еще выпить? А может, мясо? У них потрясные антрекоты. Ничего? Уверен? Ну вот, здесь гораздо удобнее, правда? И никто не подслушает. Так на чем мы остановились? Ах да. Позавчера утром она садится ко мне в машину. Ну француженка, кто ж еще? Сначала, как я ее увидел, у меня аж в горле пересохло – из-за моих ночных грез, но потом она принялась плести

истории про то, как парни на пляже не дают ей проходу; я понял, что она – просто маленькая дурочка, и успокоился. Подобные мысли, знаешь ли, быстро гасят всякое желание. Но тут вдруг – а мы еще до Герцлии не доехали – она бросает свою «Санта-Барбару» и говорит:

– Кажется, я придумала, как узнать, что на самом деле случилось с дедушкой.

– Да ну? Вот здорово!

Я постарался скрыть свое воодушевление.

Она начала рассказывать:

– Когда бабушка возвращается из больницы, она шлет имейлы Эльзе. Это ее лучшая подруга, она живет в Цюрихе. Бабушка пишет ей бесконечные имейлы. Наверное, докладывает обо всем, что у нее происходит. Короче, вчера я подкралась к ней сзади, пока она набирала пароль, и записала его у себя на руке.

Она показала мне свою тонкую руку с надписью черным фломастером: «WOLF 1247». Представляешь? Прямо на руке, как номер у жертвы холокоста.

Разумеется, я ее похвалил:

– Вот видишь? Я же говорил, что ты умная. Нашла отличный способ узнать все что хочешь.

Но она нахмурилась и сказала:

– Так я завтра вечером улетаю в Париж.

– Но ты же можешь залезть к ней в почту завтра утром.

– Я боюсь, – сказала она.

– Что значит боишься?

– Я боюсь лезть в бабушкину почту. Откуда я знаю, что там найду, Арно?

Мы помолчали. Она грызла ногти. Я провел рукой по щетине у себя на подбородке. Всю прошлую неделю она отрастала с какой-то дикой скоростью. Вроде брился два часа назад, а вот поди ж ты.

И тогда она задала мне вопрос, которого я ждал и которого страшился:

– А может, вы сходите со мной? Бабушка уезжает в больницу автобусом в восемь двадцать. Вы, как обычно, подхватите меня, но в Тель-Авив мы не поедем, а подождем в цитрусовой роще. Как только бабушка уйдет, мы вернемся к нам домой и прочтем, что она пишет Эльзе.

– Только не в цитрусовой роще, – сказал я. – Лучше на парковке возле сквош-корта. В это время там никого не бывает.

– Как скажете.

Итак, вчера утром я проводил Офри в школу. Она читала «Энн в Эвонли». Я держал ее за руку и слегка притягивал к себе, когда у нее на пути вставало дерево. Прощаясь, она поцеловала меня в щеку и сказала: «Я люблю тебя, папа». Со времени ее прогулки с Германом в цитрусовую рощу она ни разу не говорила, что меня любит. Я подумал, что это хороший знак. Что, возможно, она постепенно приходит в себя.

В восемь ноль пять я подобрал француженку, и мы направились на парковку возле сквош-корта. Там оказалось больше машин, чем я предполагал, поэтому я проехал ее до конца, до скамейки, на которой вечерами собирается местная молодежь и распивает водку, купленную на заправке. Девчонка положила свои ножки на приборную панель и сказала, что когда-то училась играть в сквош, но тренер начал к ней приставать, и мать, разозлившись, запретила ей продолжать занятия. Она еще какое-то время встречалась с тренером тайком от матери. У него в студии. Он был женат. На книжной полке у него стояла фотография жены и детей. Но ей это не мешало. В Париже не делают трагедии из таких вещей.

Пока она болтала, я считал, сколько песен передадут по радио. Смотреть на часы я не хотел, чтобы она не обиделась и не передумала, поэтому считал песни. Одна песня длится в среднем три минуты. Пять песен – четверть часа. Для

надежности я переждал еще одну песню. «Free Falling» Тома Петти и группы The Heartbreakers. Классная композиция, скажи? Жаль, что теперь она вызывает у меня отвращение; я больше не могу ее слушать, не вспоминая о том, что было дальше.

Когда мы подъехали к дому, из подъезда как раз выходила судья с третьего этажа. Только этого не хватало, подумал я. Мы еще не сделали ничего предосудительного, но я сказал Карин: «Пригнись». Мы подождали, пока соседка не скроется за поворотом, и только тогда выбрались из машины.

Мы постучали в дверь, чтобы быть на сто процентов уверенными, что Рут нет дома. Нам никто не ответил. Француженка открыла дверь своим ключом, и мы вошли в квартиру.

В гостиной стояло пианино, на нем – бюст Моцарта. Я прямо-таки почувствовал, как Вольфганг Амадей впился в меня глазами, и быстро перевел взгляд на книжный шкаф. Книг у Германа и Рут было сотни. В основном старинных, на немецком языке. Ты наверняка знаешь всех этих писателей. Застекленные дверцы шкафа, насколько я помнил, всегда сияли чистотой, но в тот день они были покрыты густым слоем пыли.

Француженка спросила, не желаю ли я выпить. Я сказал, что, как мне кажется, нам надо поскорее сделать то, ради чего мы сюда пришли, и направился в угол комнаты, где стоял компьютер, но она преградила мне путь и сказала: «Я тоже думаю, что нам надо поскорее сделать то, ради чего мы сюда пришли». В следующую секунду она сняла с себя майку и лифчик купальника и скинула мини-юбку и трусы. Все это она проделала чуть ли не одним движением, как будто долго перед этим тренировалась. Прежде чем я успел ее остановить, она стояла передо мной на персидском ковре совершенно голая.

Из большого торшера на нее лился свет. Кожа у нее была гладкой, без единой царапинки, без единой морщинки, без единого пятнышка, кроме звезды Давида на левой груди. У нее было совершенное тело. Девчоночье тело. На меня накатила дурнота. Закружилась голова. Как бывает на высоте, если сдуру глянешь вниз, в пустоту.

– Оденься, – сказал я.

– Но, Арно, я думала, что...

– Нет, Карин, – сказал я. – Так не годится.

И тут она сломалась. Согнулась пополам и, как была, голая, опустилась на пол рядом с креслом и заплакала. Она плакала, как маленькая девочка. Шмыгая носом. И сквозь слезы причитала: «Я уродина. Ты не хочешь меня, потому что я уродина. Я тебе противна. Я жирная. У меня кривые ноги. Ты не хочешь меня, потому что у меня кривые ноги».

Я присел с ней рядом, на ковер. Я думал, что должен ее успокоить, иначе она откажется лезть в электронную почту Рут. И я в жизни не узнаю, что случилось с Офри в цитрусовой роще. Я гладил ее по волосам. Я говорил ей: «Ты очень соблазнительная, Карин, очень-очень соблазнительная. У тебя красивое тело. И прекрасные маленькие ножки. В последнюю неделю ты мне снишься каждую ночь».

Она сказала, что я вру. Волосы падали ей на лицо, и ее голос звучал приглушенно.

Я возразил, что никогда не вру. И продолжал гладить ее по голове, от макушки до загорелых плеч.

– Как приятно... То, как ты меня гладишь, – сказала она.

Если бы я был персонажем одной из твоих книг, этим все и кончилось бы. У тебя все всегда останавливаются в последнюю минуту. Перед бездной. Но в реальной жизни все не так. Потому что к тому моменту я сам себя убедил во всем, что ей наговорил. И мои ладони стали скользить вниз по ее голой спине. Она подняла голову, взяла меня за руку, вложила мои пальцы себе в рот и принялась их сосать. И у меня встал. В реальной жизни есть красная черта: стоит мужику ее перейти, ему уже не удержаться.

Избавлю тебя от подробностей. Тем более что рассказывать особенно нечего. Скажу только, что это было очень далеко от моих фантазий. Все происходило медленно, но не с нарочитой медлительностью, усиливающей возбуждение. Скорее с неловкостью. Никакой гармонии. Босая, без одежек она выглядела маленькой и хрупкой, что заставляло меня осторожничать. Честно говоря, я

попросту боялся раздавить ее своим огромным телом. Не забывай, что я уже двадцать лет не был ни с одной женщиной, кроме жены. Она, как выяснилось, тоже. Когда я из нее вышел, обнаружил, что член весь в крови. Я не так уж и удивился. По тому, как она съежилась, когда я в нее вошел, и как пыталась изобразить оргазм, не представляя, что это такое, было нетрудно догадаться, что это у нее в первый раз.

Она вытерлась своей майкой, и я спросил ее, почему она скрыла от меня, что она девственница. Она погладила мне руку и сказала:

- Потому... Потому что не хотела, чтобы ты подумал, что я маленькая.

Меня охватил страх – нелепый, но оттого не менее сильный. Я испугался, что сейчас сюда ворвется мой отец, вышвырнет меня на лестницу и заорет: «А об Айелет ты подумал?»

Я спросил, закрыла ли она дверь.

- Конечно, – ответила она.

Я спросил, не больно ли ей. Она сказала: «Чуть-чуть» – и продолжала гладить мою руку. Меня это раздражало. Айелет после секса всегда покусывает меня в шею. Я вдруг понял, как мне этого не хватает. Сел и сказал:

- Вставай. Пошли к бабушкиному компьютеру.

- Незачем к нему идти, – ответила она.

- Как это незачем? А бабушкины письма к Эльзе?

- Нет никакой Эльзы.

- Нет?

- Нет.

Мне захотелось ее ударить. Я изо всех сил сдерживался, чтобы ей не врезать. Сунул руки под задницу, чтобы ни одна из них не взлетела к ее щеке. Или не схватила бюст Моцарта и не шваркнула ей по башке. Вставай, сказал я себе. Помойся. Оденься. И выметайся отсюда. Вечером она улетает в Париж, а пока все, что ты можешь сделать, – это свести ущерб к минимуму.

Так я и поступил. Встал. Смыл с себя ее кровь. Одедся. Сказал ей, что мне пора на работу. Что она красавица. Что она еще сделает счастливыми многих мужчин. Спросил у нее, не хочет ли она, чтобы я принес ей стакан воды. Или сварил ей кофе. Я старался ничем не оскорбить ее достоинства. Она все это время молчала. Свернулась клубком в кресле и следила за мной глазами. Обнимала руками колени. Накручивала на палец волосы. Даже когда я наклонился, чтобы на прощанье поцеловать ее в щеку, она не произнесла ни слова. В тот момент я истолковал ее поведение как смирение с судьбой. Как признак зрелости.

Но все же на всякий случай вернулся с работы попозже. Чтобы не столкнуться с ней ненароком.

Записка с двери спальни исчезла. Айелет ее сняла. И все же я добровольно отправился в ссылку на диван в гостиной. Дважды посмотрел теледебаты. Когда смотрел повтор, заметил, что от воплей участников за милю несет фальшью. Что, как только спадает накал дискуссии, режиссер делает им знак и они начинают орать. Потом я лежал, уставившись в потолок, прокручивал в голове события этого дня и твердил себе: «Что ты натворил, идиот, что ты натворил?» Но потом успокаивал себя: «Не парься, она уже в Париже».

Тогда я и отправил тебе первую эсмэску. Я понимал, что ты – единственный, с кем я могу этим поделиться. Хоть мы и не общались сто лет. Остальные мои приятели появились слишком недавно. Они слишком связаны с Айелет. Не верю, что они меня не продадут. А вот ты – никогда. Я слишком много про тебя знаю.

Ладно, шучу.

Не извиняйся, старик. Конечно, ты ответил не сразу. Не в четыре утра. Я просто вспомнил, что ты как-то говорил, что пишешь по ночам. Вот я и рискнул. Неважно.

Утром я пошел провожать Офри в школу. По пути она дочитала последние страницы «Энн в Эвонли» и остановилась убрать книжку в ранец. Потом она заговорила про всякие мелкие свары между одноклассницами. Альма сказала то-то. Мааян обиделась. А Рони подговорила остальных девочек не разговаривать с Альмой. Тогда обиделась Альма. Я не верил своим ушам. Последние пять недель она во время наших прогулок не вспоминала ни об одной девочке из своего класса. На месте нашего обычного расставания она снова сказала мне: «Я люблю тебя, папа». Я подождал несколько минут и вслед за ней зашел в школу. Поднялся на третий этаж и через щель в сдвинутой шторке заглянул в класс. Она сидела и делала все то же самое, что в прошлый раз, когда я за ней подсматривал. Открывала и закрывала молнию на пенале. Достала карандаши. Порисовала в тетрадке. Убрала карандаши в пенал. Учительница задала детям какой-то вопрос. Офри встрепенулась и подняла руку. Я увидел ее глаза. Озорная искорка в них вернулась. Я сдержался и не влетел в класс, чтобы от счастья подбросить ее в воздух. Искорка вернулась! Я еще несколько минут постоял у окна, надеясь, что она еще раз поднимет голову и даст мне возможность убедиться, что я не ошибся. Затем я послал Айелет эсэмэску: «Раскаиваюсь за то, как я себя вел в последнее время. Я правда пережал. Давай на мировую?» И пошел домой. На этот раз я шел по тротуару, а не по проезжей части. Собственная жизнь показалась мне вдруг исполненной смысла. По пути я остановился в торговом центре снять наличные. Возле банкомата стояла вдова со второго этажа. Я подождал своей очереди. На самом деле она не вдова, но ее муж постоянно пропадает за границей, и у нее глаза человека, который только что вернулся с похорон, и одета она всегда в черное. Поэтому мы с Айелет между собой зовем ее вдовой. Но сегодня утром она даже улыбалась, не говоря уж о том, что на ней была желтая блузка. Забрав купюры, она сказала мне: «Доброе утро, Арнон». – «Прекрасное утро», – ответил я. Потом снял тысячу шекелей, которые мы задолжали Вольфам, и бодрым шагом отправился домой. Впервые за пять последних недель я дышал полной грудью, и все мои проблемы, абсолютно все, казались мне мелкими и легко разрешимыми...

Но когда я подошел к дому, то увидел ее. Француженку. Она шла ко мне на своих платформах. Спрятаться было некуда. Она шла прямо на меня и, подойдя совсем близко, остановилась и сказала: «Обними меня». Я сделал шаг назад.

– Разве ты не улетела в Париж? – спросил я.

– Дедушка... Дедушка умер.

– Что? Когда?!

– Сегодня ночью, – сказала она, взяла меня за руку и положила ее себе на бедро. – Обними меня. – Сочувствую тебе, но... это не очень хорошая идея. Посреди улицы... Правда, Карин, это не очень хорошая идея. – Я как можно деликатнее отвел свою руку.

Она всем телом прижалась ко мне:

– Тогда давай уедем отсюда. Я хочу тебя. Ты мне нужен.

– Я не могу, – сказал я. – Что было, то было, но больше это не повторится. Я женат. У меня две дочери. Я не могу. Прости, Карин. Но это невозможно.

И тут ее как подменили. Мы стояли на парковке возле дома в половине девятого утра, а она принялась колотить меня кулаками в грудь и орать:

– А, теперь ты вспомнил, что женат? А когда вчера ты меня трахал, тебя это не колыхало? Ты сукин сын! Вот ты кто! Сукин сын!

К счастью, в этот момент муниципальные служащие, убравшие палую листву возле дома, включили свои воздуходувки, что несколько заглушило ее крики. Но все же мне показалось, что из окна квартиры на третьем этаже высунулась голова судьи. Мне стало ясно: если эта сцена немедленно не прекратится, ждать появления других любопытных голов долго не придется.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Она так невинна, умна и невинна (англ.).

2

Скоро она перестанет быть такой уж невинной. Это только вопрос времени (англ.).

3

Знаешь, а ведь она права... (англ.)

4

«Мы восхищены вашим дерзким творческим подходом»; «Благодаря созданной вами атмосфере посетители готовы заказать все меню от начала до конца!» (англ.)

5

Зд.: Ну, значит, так (фр.).

Что это еще такое? (фр.)

Купить: https://telnovel.com/nevo_eshkol/tri-etazha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)